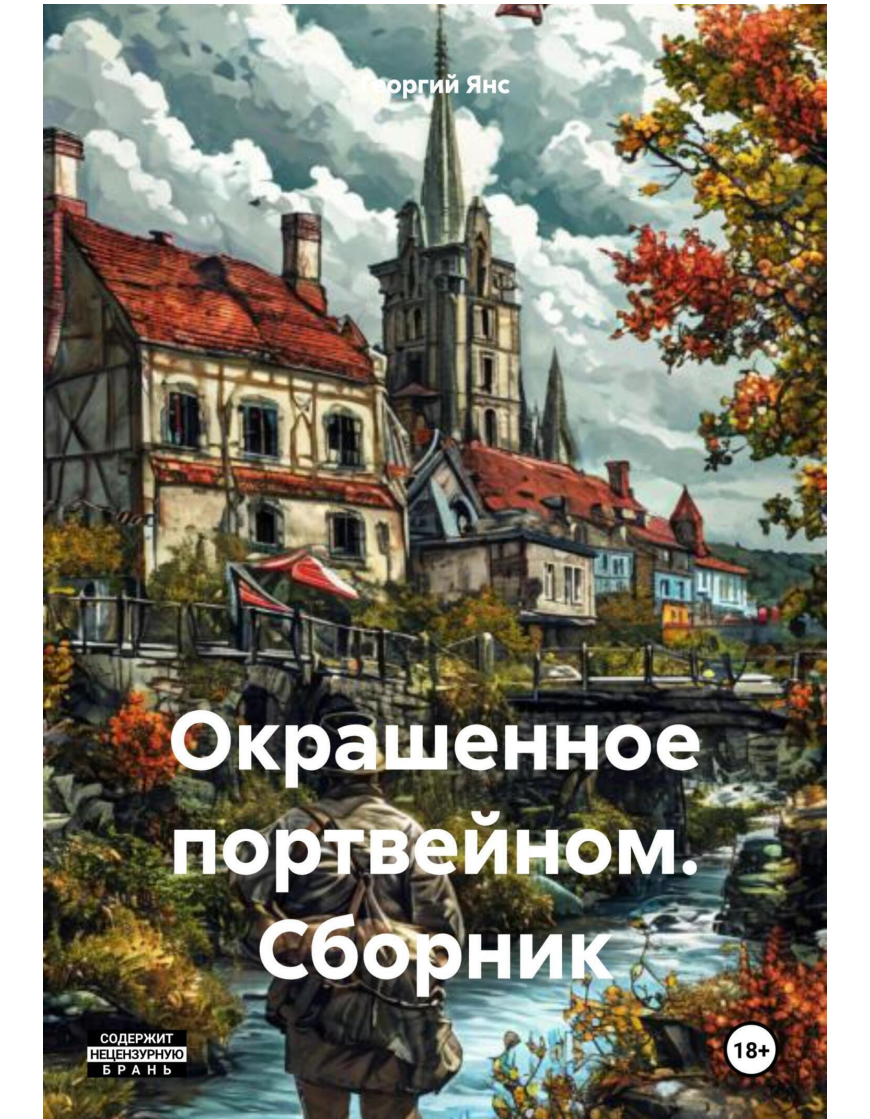

Михаил Янс

Окрашенное портвейном. Сборник

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Георгий Янс Окрашенное портвейном. Сборник

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71695102
SelfPub; 2025*

Аннотация

В сборник вошли повести журналиста Георгия Янса «Окрашенное портвейном», «Паранойев ковчег», «Предприниматель без образования юридического лица».

Содержание

Глава первая Досадные недоразумения	5
Глава вторая Завтра каникулы	28
Глава третья Как росинка на молодом побеге	38
Глава четвертая Работа с учебником	49
Глава пятая Махровый халатик	58
Глава шестая Проснуться знаменитым	80
Глава седьмая Завтра в школу или четверть века спустя	92
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Георгий Янс
Окрашенное
портвейном. Сборник

Глава первая Досадные недоразумения

– Здравствуйте. Я ваш новый учитель. Зовут меня Юрий Иванович. Давайте будем знакомиться, – этими словами я начал вчера свой первый в жизни урок.

– ... Именем Российской Советской Федеративной Социалистической Республики объявляю вас мужем и женой... – позавчера я первый раз в жизни стал мужем.

Связи между этими событиями никакой. Или почти никакой. Если не считать, что и школу, и женитьбу я рассматривал, как досадные недоразумения, которые со временем рассосутся: я стану свободен от школьных и семейных уз. Я не очень ясно представлял, как это может получиться, но очень надеялся на прилет какого-нибудь волшебника, который скажет мне: «Ты свободен».

Для кого-то такое стечение обстоятельств могло оказаться счастливым: любимая работа, любимая жена, а у меня все с частицей «не», поэтому и ощущал себя глубоко несчастным человеком, тихо и недовольно бурча себе под нос на свою неудачную жизнь. Может быть, если бы эти события были разведены во времени, я бы переживал чаще, но не так глубоко.

О том, что я должен жениться, знал примерно за полгода до свадьбы. «Должен» не в том смысле, чтобы грех прикрыть. С Маняшей у нас все было по правильному: дочка родилась через девять месяцев после свадьбы. Просто я пообещал Маняше, что женюсь на ней. И пусть тысячу раз сожалел о своем обещании, но отказаться от своего слова не мог.

31 декабря 1979 года. Последний студенческий Новый год. За последние три года состав костяк компании не менялся, по крайней мере, мужская ее часть. Может быть оттого, что нас было мало, и мы дорожили своей дружбой. Женская часть была более мобильна: каждый праздник всегда появлялись новые девчушки – хохотушки. Разнообразие девичьих лиц без ложной скромности скажу, моя заслуга. Нет, конечно, почти у всех были девушки, но на каждый праздник новая – только у меня. Как поздравительная открытка. Изображение новое, а содержание? Что содержание. «Дорогой друг поздравляем тебя с праздником»...

Этот Новый год отмечали мы на даче. Дощатый домик, но с печкой. К трем часам дня был полный сбор. Растопили печку, стали готовить стол и периодически выпивать. Особой изюминки в наших празднествах не было, все, как у всех: выпивка с незамысловатой закуской, песни с анекдотами, танцы с постелью. Просто нам казалось, что мы самые веселые и жизнерадостные. Иногда порядок действия менялся, в частности у меня: я от первого номера программы сразу переходил к последнему, минуя танцы. Это не было связано с

какой-то повышенной моей сексуальностью. Просто я очень быстро напивался, и меня укладывали спать. Но были, были моменты просветления, когда рядом ощущалось чье-то плечо. Правда, не всегда женское.

Из-за того, что праздник предстоял долгий, в целях экономии сил я пару раз прикладывался подремать, но даже такой рациональный подход меня не спас: окончательно сломался и заснул на рубеже старого и нового годов.

Проснулся потому, что успел выспаться и замерз. Тонкие стены не очень-то держали тепло. Открыв глаза, понял, что в постели не один. Рядом на спине со сложенными на груди руками лежал Андрей, он не спал, уставившись глазами в потолок.

– Ты давно здесь? – спросил я его.

– Точно не знаю.

– Ты с прошлого года здесь или с нового?

– С нового.

– А я?

– Про тебя трудно сказать. Головой ты был в старом, а ногами уже в новом.

– Это как?

– Соображать ты перестал задолго до Нового года, а ножками еще несколько минут двигал в новом. – Андрей ехидно хихикнул.

– Я чего-нибудь наколбасил? – уже заранее знал ответ на свой вопрос, но хотелось подробностей.

– А когда ты не колбасил. Пришел с Наташей. А сам приставал к Машке. Прохода ей не давал.

– Е – мое. И Наташа чего?

– Чего – чего. Глаза вытаращила. И не знает, то ли плакать, то ли смеяться.

– А Машка чего?

– Как обычно. Ни в чем тебе не отказывала.

– И чего ей от меня надо?

– Тихой семейной гавани, – Андрей снова хихикнул

Обрывки новогоднего вечера, смазанные и неотчетливые, всплыли в памяти. Машины губы были в салате и ощущение, что не целовался, а закусывал. Наверняка, первая ко мне полезла. Неуютно поежился от неприятных воспоминаний и холода.

– Пойду печку растоплю, а то задубеем совсем.

– Я с тобой. Заодно и перекусим.

Мы вылезли из кровати. Я огляделся. Судя по скошенным потолкам комнаты, находились на втором этаже.

– Я сам сюда добрел или как?

– Или как.

Андрей – самый близкий человек мне в институте. Во время таких мероприятий он всегда опекал меня. Наверняка он оттащил меня в постель. Наша дружба – гармоничное слияние несовместимостей. Мы воспринимали друг друга, как данности, которые ни в коем случае не надо исправлять. Он знал всех моих девушек, я его – не одной. Я за день успевал

сделать тыщу дел, а он – одно, но всегда основательно, у него водились деньги, и он охотно ссужал в долг, у меня тоже водились, но почему-то постоянно брал в долг. Лишь любовь к выпивке и к книгам делали нас похожими. Мы много пили, но еще больше читали.

Тихо, стараясь не шуметь, стали спускаться вниз. Какая же крутая лестница. Вся наша компания крепко спала. Заняты были все места, на которых хоть как-то можно примоститься. Спали парами и по трое. Причем сочетания были самые диковинные. Павел приехал с Леной, а спал с моей Наташей. Коля вообще приехал один, а спал с Машей и Сергеем. Спали все в одежде, для верности накинув на себя сверху одеяла и пальто. Я теперь хорошо понимаю ту женщину, которая решительно сказала в телевизор, что в СССР секса нет. Какой может быть секс при таком обилии выпивки и одежды.

Мы осторожно прошли на кухню и занялись растопкой печки. Печка еще хранила тепло, поэтому огонь занялся легко и быстро. Минут через пятнадцать почувствовалось первое тепло, самочувствие улучшилось, захотелось жить дальше

– А не перекусить ли нам Юр? – предложил Андрей, оглядывая остатки праздничного стола.

– И выпить, – внес я встречное предложение.

– Само собой разумеется. Иначе, какой смысл перекусывать. Давай портвешком пройдемся.

Я наполнил стаканы нашим любимым напитком. Что нас

еще больше сближало с Андреем, мы оба любили портвейн.

– Чтобы сегодня нам было лучше, чем вчера, – предложил Андрей тост.

– И чтобы его всегда было в избытке, – показал я на бутылку портвейна.

Мы закусили остатками салата и уже заветрившейся «докторской» колбасой. Тепло стало не только от печки, но и изнутри. Закусив, дружно закурили. Организм ослаб, и от выпитого меня «повело».

– Вот, скажи мне, Андрюш, – начал я обычную в таких случаях застольную беседу, – почему мы с тобой предпочитаем пить портвейн, а не водку.

– Очень просто. Портвейн предполагает беседу, и беседу, в общем-то, длительную. Вот мы с тобой сейчас вмазали по стакану портвейна и ничего, беседуем. А представь, выпили бы по стакану водки, и все, были бы уже в отрубе. Здесь же без закуски можно обойтись.

– И, из «горла» выпить, – добавил я. – Наверно, все так. Мне еще кажется, что портвейн у нас вроде, как религия. Как у хиппи – марихуана. Ты понимаешь, о чем я. Портвейн – составляющая нашей жизни. Без портвейна мы были бы другие.

– Трезвые были бы.

– Я серьезно. Без портвейна мы были бы правильные, заурядные что ли. А портвейн раскрепощает. Не забыться хочется, а что-то сотворить.

– Большое и чистое. Ты вчера и натворил. – Андрей продолжал ехидничать. – Хорошо, что быстро отрубился.

– Вот видишь, выпивка спасает от больших глупостей. Был бы просто пьяный, такого натворил.

– Ладно, идеолог. Давай лучше наливай.

Мы выпили еще. Уже хотелось не только поговорить, но и острых ощущений. Из острых ощущений были только спящие девочки.

– Пойду посмотрю, как там Наташа – собрался я выходить из стола.

– Или Маша. Сиди, – приказал Андрей. – Выпьешь и сразу к бабам. Успеешь еще. Давай лучше поспорим.

– Давай. Только о чем?

– Давай поспорим, что ты в этом, 1980 году не женишься.

– А чего спорить. Я что похож на больного? Скорее коммунизм построим, чем я женюсь.

– Нет, давай поспорим, – чувствовалось, что Андрей тоже основательно «поплыл».

– Спорим. Только на что? На интерес?

– Зачем на интерес? Если ты женишься, я даю тебе триста рублей, если нет, ты целый год по первому моему желанию идешь в кино.

– Это же обалденные деньги. Откуда?

– Оттуда. Ну, так спорим.

Я легко согласился. Мы оба были убеждены в бессмысленности спора. Женить меня практически невозможно, а в

кино я с ним и так почти всегда ходил с удовольствием.

С дачи разъехались только к вечеру. Наташа на меня обиду не таила, и остаток дня мы провели в мире и наслаждениях.

22 апреля 1980. Вождю мирового пролетариата сто десять лет. Очередной юбилей. По этому случаю у нас коммунистический субботник. Из всего «советского» я любил шампанское и субботники. Шампанское действительно было очень хорошим, а субботники – тепло – весенние в приятной компании и с привкусом портвейна. Даже милиция не трогала пьяных в дни субботников. Скорее трезвые вызвали подозрение, так как не были «в едином порыве» и не «проявили трудового энтузиазма».

Нам выдали метлы, лопаты, совки и поручили убирать территорию перед главным входом в институт. Мы сидели на лавочках, разморенные теплом и предвкушением кайфа ничегонеделания, пока не показался куратор группы, Владислав Николаевич, про которого на факультете говорили: «Слуга царю, отец солдатам». Он искренне любил все советское: родину, колбасу, студентов. При этом был энциклопедически образованным человеком, никогда не повышающим голоса. Увидев, что мы сами по себе, а уборочный инвентарь сам по себе, с показным недоумением воскликнул:

– Братцы, а что мы сидим? Хотите в «черный список» попасть перед самым окончанием? Хотите в школу пойти работать?

Желающих работать в школе не оказалось, мы дружно взялись за метлы и лопаты, но с тем же кайфом «ничегонеделания», начали демонстрировать видимость деятельности: наши девочки справа налево и слева направо мели по асфальту, а мальчики взад вперед шаркали лопатой. Владислав Николаевича наши дворницкие потуги вполне удовлетворили, вряд ли посмеет, кто теперь сказать, что мы не участвуем в ленинском субботнике, и с чувством законного удовлетворения преподаватель скрылся в здании института.

Мы еще по инерции полчаса мели и шаркали по асфальту, пока я не предложил:

– Чувство законной гордости в эти минуты переполняет весь советский народ. Одна половина прогрессивного человечества смотрит на часы: «А не пора ли в магазин?» Другая половина удивляется: «Что разве еще не сходили?»

– Ты забыл главное. Если партия говорит: «Надо». Комсомол отвечает: «Сейчас сбегает», – заметил Андрей.

– Ребят, вы чего, очумели? Давайте, хоть еще полчаса поработаем, – возмущается Мария, наш комсомольский вожак и моя будущая супруга, та самая с привкусом салата.

– А давайте посоветуемся с коммунистом Бахиревым. Что он скажет, наш старший товарищ? – предложил Андрей.

Бахирев был нас старше на несколько лет. Отслужил в армии, там же попал в партию. Но не кичился ни тем, ни другим. Он был не только старше нас, но и рассудительнее. Кому-то это казалось тугодумством. Но, уж, если он заводился,

остановить его было практически невозможно. В отличие от нас, юнцов, он мог уже уходить в запой. Эта слабость руководством факультета ему прощалась за то, что совмещал в себе несовместимые вещи: он был не только коммунистом, но и порядочным человеком. Вот и сейчас, прежде чем ответить, он задумался, производя в голове, как выяснилось позже незамысловатые арифметические расчеты.

— Что я мужики скажу. Я всегда «за». Но только, если в «легкую». Вы же понимаете, скоро пойдут сплошные майские праздники, а мне обязательно надо продержаться. Фигня получится, если я накануне окончания сорвусь. Да, и вообще, никому сейчас не след нарываться на неприятности. Так что давайте только в «легкую», и по домам.

Бахирев, конечно, прав. Желающих пройти в «легкую» набралось человек восемь. Девчонки также проучаствовали. Их вклад в общее дело всегда приветствовался: выпьют на копейку, а денег вносят наравне, а то и поболее. Деньги собрал Андрей, и мы с ним потрусили в магазин. В магазине застряли почти на час, так как вся страна в едином порыве приняла участие в коммунистическом субботнике. К шести благоприобретенным бутылкам портвейна мы присовокупили еще шесть сырков «Дружба», триста грамм «Докторской» колбасы, порезанной на ломтики и буханку черного хлеба. Наше возвращение совпало с окончанием коммунистического субботника. Метла и лопаты были сданы. Ильич может гордиться нами.

– Куда пойдём? Как обычно, в скверик? – поинтересовался кто-то.

– А куда ещё же, – заметил Бахирев. – В теньке у пруда сядем. Сольемся с природой, так сказать.

В теплую погоду скверик был нашим ритуальным местом. Если хотелось в уединении почитать, выпить в компании, назначить девушке свидание, всегда шли туда. Уже через десять минут мы были в скверике, и на двух впритык расположенных скамейках, расставляли бутылки и раскладывали более чем скромную закуску. Когда все уже было готово к завершению коммунистического субботника на оптимистической ноте, выяснилось, что у нас отсутствуют емкости для питья.

– Будем пить из горла. Нам не привыкать, – крикнул кто-то из девчонок с комсомольским задором.

Я же лишний раз убедился в преимуществе портвейна перед другими напитками. Сухое вино – это напиток не для компании. Пьешь много, а толку мало. Водка – напиток в целом неплохой, но для нее требуется более – менее сносная закуска, да и из горла особенно не попьешь. А портвейн всем напиткам напиток! Не требователен к закуске, легко пьется из горла, очень хорошо развязывает языки, неразборчив к компании и месту выпивки.

На пару с Андреем ловко и синхронно срезали пластиковые пробки и передали бутылки нашим девушкам. Их было всего трое, и пьют быстро, и понемногу. Я, может быть, из-

лишне подробно рассказываю, но это ключ к моей будущей женитьбе. В этой женитьбе виноват я, и только я, но никак не портвейн, который так легко в этот день лился из «горла» в горло. После «первого круга» мы весело и радостно смеялись, беззлобно подтрунивая друг над другом, перемывая косточки преподавателям и отсутствующим однокурсникам, после «второго круга» стали рассказывать анекдоты, которые слышали друг от друга не один раз, но все равно было смешно. После третьего выяснилось, что портвейн закончился, и неплохо бы взять еще.

Когда я вернулся, компания уменьшилась на два человека, что было и не так уж плохо. Я был очень жадный до портвейна и не любил делиться. Сделав глубокий глоток и, заюхав корочкой хлеба, прикидывал, с кем из наших девушек мне сегодня обломится. Мелькнула даже запредельная мечта, чтобы обломилось со всеми сразу и прямо сейчас. Сделав еще глоток, я заметил укоризненный и печальный взгляд Андрея. Он не любил, когда я уходил на «облом», считая предательством нашей дружбы, скрепленной портвейном. В ответ я лишь лихо подмигнул: «Мол, не волнуйся Андрюх, все будет тип – топ!»

Очнулся оттого, что кто-то сильно и противно тряс меня за плечо. Приоткрыв глаза, увидел человека, похожего на женщину, раскрыв глаза пошире, убедился окончательно, что передо мной точно женщина. Я уже пытался что-то произнести, как подкатила волна тошноты, и меня слегка вывер-

нуло. Чтобы легче выворачивало, приподнялся и положил голову между ног. В такой незамысловатой позе я пробыл минут пять. Подняв голову, я понял, что эту женщину зовут Машей, наш комсомольский вожак и моя будущая супруга.

– А где все? Где Андрей? – спросил я.

– Все уже давно разошлись.

– А я что? Остался? – вопрос был глупый, но что можно было еще спросить.

– Как всегда. Нажрался и заснул, – абсолютно беззлобно пояснила Маняша.

– Как же мне херово.

– Ничего, скоро полегчает.

Я не нуждался в утешении, мне хотелось домой, улечься на кровать, вытянуть ноги и положить голову на подушку. Я сделал попытку встать, но не получилось. Ноги не слушались, наверное, затекли от долгого сидения – лежания в неудобной позе. Чтобы не упасть окончательно, пришлось опереться на Марию. Сколько еще раз она будет вот так подставлять мне свое плечо. У Маняши ко мне перманентная любовь с первого курса: за годы учебы мы не раз сходились – расходились. Расходясь со мной, ей всегда попадались достойные парни. Но то ли у них достоинств было чересчур, то ли и я не так уж плох, Маняша всегда пыталась вернуться ко мне. По первости я гордился и тяготился одновременно ее возвращениями. Потом привык. И встречаясь с ней, даже не скрывал, что у меня имеется другая девушка. Вот и сию

минуту я пьяно подозревал, что должно состояться очередное возвращение. Но мне не хотелось женщины, мне хотелось домой, в чистую и холодную постель. И об этом я как раз и намеревался сказать. «Не рассчитывай, сегодня на меня Маша. Я не совсем в форме».

– Все, пока. Я поехал домой.

– Куда ты такой пьяный поедешь. Тебя же в милицию заберут. Тебе это надо?

– Не надо, – охотно согласился я. – Тогда возьми мне такси.

– У тебя деньги есть на такси?

– Не знаю, но думаю, что нет.

– А как же ты собираешься ехать?

– Не знаю. Я просто хочу домой.

– Посиди еще полчасика. Немного протрезвеешь и поедешь. Я с тобой посижу.

– Давай посидим.

Этот разговор утомил меня. Захотелось немного подремать. Я положил Маняше голову на плечо, намереваясь заснуть. Маняша голову мою приняла, но заснуть не дала. Ей хотелось поговорить за «жизнь».

– Юр, ты хоть понимаешь, что своим пьянством можешь погубить свое будущее. Ты, что действительно хочешь попасть в школу?

От слова «школа» я вздрогнул и икнул. Вновь меня пугают школой.

– Нет, не хочу. Я домой хочу. Отвези меня, пожалуйста.
Ну, очень домой хочу.

– Хорошо. Я тебя отвезу. А как мне потом возвращаться?
Пока до тебя доедем, метро закроют.

– Не закроют. А, если закроют, я у мамы денег попрошу на такси. Она обязательно даст. Она все поймет и даст тебе обязательно денег на такси. Она все поймет, – меня вновь неудержимо клонило в сон.

– А не проще ли мне у тебя остаться. Скажешь ей, что я твоя невеста.

– Скажу. Все скажу. Только поехали быстрее. Я очень хочу домой.

– Значит, ты на мне женишься?

– Женюсь, женюсь. Поехали поскорее домой.

Я плохо помню, как мы добрались домой. Утром я проснулся с тяжелой головой и обрывками воспоминаний о субботнике. Марии в квартире не было. Значит, привиделась она мне вчера. Хоть одной проблемой меньше. Но, встав с постели, я заметил, что мать не очень по – доброму смотрит на меня.

– Что, сынок, с помолвкой тебя.

– С какой помолвкой.

– Ты ж вчера с невестой приехал.

– Я? С невестой?

– И зовут ее Мария. И свадьба у вас в конце лета. Ты вчера очень ярко живописал, какая будет свадьба.

– Какая?

– А такая! – мама рассвирепела. – Ноги моей не будет на твоей свадьбе. Ты хоть что-нибудь можешь сделать по – людски?

– Мам, это какое-то недоразумение. Ты, наверное, что-то не так поняла. И потом, я был пьян. А какой с пьяного спрос?

– Я все так поняла. А за свои слова отвечать надо. Ты что из Маши дуру делаешь.

– Эх, мам, Это не она дура, а я полный дурак.

На следующий день после занятий мы с Маняшей пошли в ЗАГС и подали заявление на конец лета.

Сразу после диплома, собрав бригаду, я уехал на заработки в дальнее – дальнее Подмосковье. Надо было готовиться к свадьбе, заработать денег и сменить обстановку.

Лето 1980 года было очень необычным. Москва готовилась к Олимпиаде. По значимости события олимпиада приравнивалась к наступлению коммунизма. Нет, не так. Олимпиада – это «Фанта», «салями», одноразовая посуда и почти образцовый порядок. Это будет даже покруче коммунизма. Так как я не был большим поклонником коммунизма, то шабашка в глухомани была почти идеальным вариантом: и денег к свадьбе подзаработаю и на природе побуду. И на работе я удачно распределился. Меня оставили в институте освобожденным работником комитета комсомола. Работа не бог весть, какая, но максимально приближенная к кормушке, из которой хлебали только избранные.

Так что отправился на заработки с легким сердцем, только одна проблема слегка отравляла мое существование – предстоящая свадьба. Во мне жила очень хиленькая надежда, что за два месяца что-нибудь случится, и свадьбе не быть. Я не очень себе представлял, что должно произойти, но очень хотелось, чтобы Маняша передумала выходить замуж. Но уж если свадьбе быть, то и это, в конце концов, не так плохо: семьянин – хороший трамплин для карьеры. Партия любит семейных. Штамп в паспорте, как клеймо благонадежности. Семейный человек никаких фортелей себе не позволит. Да и, триста рублей лишними не будут. Андрей подтвердил, что эти выигранные деньги будут его свадебным подарком.

Но шабашка у нас не заладилась. Работу нам давали мелочевую, и не каждый день. К тому же зарядили дожди, поэтому мы много читали и пили. В нашу компанию как-то бочком примостился местный пастух Николай, который вне зависимости от погоды всегда ходил в длинном до пят брезентовом плаще. Он подъезжал к нам на стройку на жеребце по кличке Цыган, не вступая в разговор, слушал наши заумные беседы и терпеливо ждал, когда и ему нальют стакан. Если погода была хорошая, он выпивал пару стаканов «красного крепкого», пойла, которому невозможно подобрать аналог, но очень дешевого и забористого, говорил «спасибо», садился на Цыгана и отправлялся к своему стаду. Если же лил дождь, мы укрывались под навесом и пили до вечера. Николай напивался, мы его клали на лошадь, и умная ско-

тина отвозила пастуха к стаду, при котором неотлучно находилась его жена.

В один из таких дождливых дней нам не хватило выпивки, а до магазина около трех километров. Обычно выпивку довозил нам Николай, но сегодня он уже был никакой. И единственное, что он смог более – менее членораздельно произнести: садитесь на Цыгана, он сам довезет до магазина. Гонцом выбрали меня. Из всех не умеющих скакать на лошади, я был самым трезвым. Общими усилиями меня взгромоздили на лошадь и отправили в «Светлый путь». Так назывался колхоз, на центральной усадьбе которого и располагался магазин. Этот путь Цыгану был хорошо знаком, и уже минут через двадцать он домчал меня до магазина. С лошади я слезать побоялся, поэтому попросил мужиков, околачивающихся возле магазина, купить мне вина. Мужики удивились, но просьбу мою выполнили. За не имением другого надежного места, куда можно было положить бутылки, я засунул их в сапоги. Уже через час мы благополучно напились.

Недели через три, поняв, что заработать в колхозе нам не удастся, мы, получив под расчет по сто рублей, засобирались домой. На железнодорожную станцию прибыли загодя, разложили на траве стандартную закуску и выпили настоящего портвейна, который по случаю приобрели в райцентре. Портвейн хоть и был настоящий, но местного розлива, поэтому гадость удивительная. Но все равно, как легко и радостно пилось. Может быть, от предстоящего возвращения

домой, где будет теплая ванна и чистое белье, а может быть, только оттого, что на этикетке было написано «портвейн белый», и одна эта надпись давала иллюзию легкости и радости питания. Так или иначе, но нам не хватило. Ощущение недопития выразилось в быстром подсчете денег и отправке меня в магазин с напутствием: «Юр, ну, ты давай, беги. Не будет портвейна, возьми «Лучистого». Во мне еще велик был юношеский задор, который гармонично сочетался с желанием выпить. Быстро, быстро купил четыре бутылки «Лучистого», хотя в магазине имелся и портвейн. Но уж очень название «бормоты» подходило к моему состоянию, такому же светлому и лучистому.

Лучистое настроение пропало, когда, вернувшись, увидел, что на травке одиноко лежал Андрей.

– А где ребята?

– Уехали. Электричка раньше пришла.

– А как же мы теперь?

– А чего мы? Билеты есть, выпить есть. Поедем на следующей электричке. Она примерно часа через полтора будет. Ты, что расстроился?

– Да, нет вроде. Просто думал...

– А ты, Юрок, не думай. Жизнь прекрасна. Выпьем и быстрее их дома окажемся.

– Это как?

– Заснем здесь, а проснемся в Москве. Время для нас сожмется всего лишь до одного вдоха – выдоха.

Проснулся я на следующее утро от холода и боли в суставах. Лежал на бетонном полу, а голова покоилась на точно такой же бетонной приступочке. Рядом лежал Андрей и спал. С другой стороны тоже кто-то лежал и противно храпел. Тупо, но внимательно я стал осматривать помещение. небольшое оконце с решеткой впритык к потолку, голые стены серо – зеленого цвета, и все. Нет, еще было чудовищное сочетание запахов перегара и грязных носков. Принюхавшись, понял, что носки мои, а перегар соседский. Я встал, пытаюсь, осмыслить увиденное, и размять суставы. С удивлением обнаружил, что в брюках нет ремня, а в ботинках шнурков. Надо же потерял где-то. Попытался восстановить события дня. Только какой день: сегодня это вчера или завтра? Или все-таки сегодня. Но, собственно говоря, какая разница? Ясно одно, что это не мой дом, да и у Андрея квартира попроще будет: у него в квартире точно стул и тумбочка есть. Ага, дело было так. Я вчера или сегодня напился. Мы с Андреем не поехали в Москву, а заночевали в местной гостинице. В хороших номерах мест не было, и нам дали вот такой номер на трех человек. И все-таки что-то в моем объяснении меня тревожило. Уж больно мрачный какой-то гостиничный номер, и главное, где тумбочка с графином воды? И вафельного полотенца нет. И писать очень хочется.

Я растолкал Андрея.

– Андрюш, мы, где находимся?

Андрей приподнял голову и удивленно посмотрел на ме-

ня.

– Ты, че? Ничего не помнишь?

– Помню, но очень и очень плохо.

– Да, нажрались мы с тобой вчера. В милиции мы с тобой.

– В какой милиции?

– В самой обыкновенной московской милиции.

– Так значит, мы доехали до Москвы?

– Как видишь. Доехали, – Андрей невесело усмехнулся.

– А за что нас. Хулиганили, дрались?

– Да, нет. Мы на открытие Олимпиады с тобой попали. Вчера, оказывается, было открытие Олимпийских игр, и Москву чистили от всяких нежелательных элементов, вроде нас с тобой. Если бы не открытие, мы бы точно до дома доехали. А так, вот видишь.

Андрей встал и потянулся. Брюки медленно сползли на колени. Ремня в брюках не было.

– У тебя тоже нет ремня? – я показал на брюки.

– Конечно, ты, что порядков не знаешь. У задержанных все изымается, на чем он может повеситься.

– Это правильно. У меня, как раз желание повеситься. Когда нас выпустят?

– Думаю скоро.

В подтверждение его слов через минут десять гулко открылась тяжелая дверь и нас позвали:

– Эй, студенты на выход.

– Здравствуйте.

– Что проспались. Проходите в дежурную часть, там протокол на вас составят, – сказал милиционер, выпустивший нас из камеры.

Мы прошли в дежурную часть. Перед нами сидел капитан, который, судя по цвету лица и возрасту, уже никогда не станет майором.

– Так, так. Что ж вы граждане студенты общественный порядок нарушаете? Ты ведь, – он показал на меня пальцем, – всю платформу заблевал. Да еще в такой день.

– Я не знал, что был такой день.

– Не знал. Ты. Что не советский человек? – удивился капитан.

– Советский, просто я забыл.

– Ладно, сейчас напомним. Значит так, граждане студенты мы оштрафуем вас и в комсомол письмо направим. Пусть вам там память восстановят.

– Может только штраф, без комсомола обойдемся? – робко попросил я.

– Ты, засранец, нашего сотрудника всего облевал, пока он тебя вел. И облевал в такой важный для всей нашей страны политический момент. Эти суки, американцы, бойкотируют Олимпиаду, политическую диверсию организовали. Хотели, бляди, нам праздник испортить. Ничего не получилось у них. Наша милиция никому не позволит праздник испортить. Благодарю бога, что еще так легко отделался. А мог бы на пятнадцать суток загреметь

Из милиции мы вышли подавленные. Точнее я, а Андрей пытался утешать меня. Но я был безутешен. Именно в эти минуты я окончательно осознал, что накрылась не только моя карьера, но возможность убежать из – под венца. Уж лучше бы коммунизм наступил, чем эта гребаная Олимпиада.

Деньги у нас еще оставались. Мы купили бутылку настоящего портвейна московского розлива. И не таясь, выпили ее прямо около магазина. Портвейн на вкус был просто удивителен.

– ...Именем Российской Советской Федеративной Социалистической Республик объявляю вас мужем и женой.

– Здравствуйте. Давайте знакомиться. Меня зовут Юрий Иванович. Я ваш новый учитель истории.

Глава вторая Завтра каникулы

Я проснулся посреди ночи. Луна, потерявшимся апельсинном, смотрела в окно. Встал из кресла, размял затекшие от долгого сидения ноги и побрел в спальню. Лег, но все равно уже не спалось. Попытался пристать к Маняше, но в ответ получил только локтем по лицу.

Наш семейный стаж исчислялся уже тремя годами. За столь небольшой срок мы успели порядком друг другу поднадоеть. Не один раз были на грани развода, но что-то каждый раз останавливало. То ли дочка, которую неожиданно для себя безумно полюбил, то ли привычка к уже устоявшемуся быту, частью которого были скандалы и размолвки. По молодости и отсутствию глубоких чувств мы легко мирились, чтобы через день, через два поругаться вновь. Маняша – женщина замечательная, умная, местами даже образованная. Но, как со студенческих лет вошла в роль молодежного вожака, так никак из этой роли выйти не может. Иногда мне кажется, что для нее я до сих пор, один из тех, кого надо строить и равнять. Маняша хотела развить во мне хороший вкус. Она считала дурновкусием пить и напиваться портвейном, много говорила о культуре питания, и после ужина наливала мне в чай ложку бальзама, предлагая посмаковать и насладиться ароматами. «Чувствуешь аромат? Пони-

маешь теперь разницу? Неужели это может сравниться с той гадостью, которую ты пьешь?» – говаривала она, прихлебывая мелкими глоточками чай. Я охотно соглашался, так как знал, что через полчаса Маняша уйдет укладывать дочь, а потом смотреть новости по телевизору. За это время я успевал основательно приложиться к портвейну, который прятал за мусорным ведром под мойкой.

– Представляешь, – возвращалась она кухню, чтобы поделиться новостями. – Сегодня днем по московским кинотеатрам рейд провели. Проверяли, кто в рабочее время в кино ходит. Столько народу... – она осекалась, видя мое состояние, в которое никак не могла привести меня ложка бальзама в чае. – Когда, когда ты успел? – она начинала с грохотом открывать шкафы в поисках ненавистного портвейна. Маняша была настолько правильной, что ей и в голову не могло прийти, что бутылку можно хранить не только на полке, но и за мусорным ведром.

– Маняш, ты что ищешь? – разыгрывал я недоумение. – Ты, наверное, бутылку ищешь, которой нет. Вот видишь, ничего нет. Это меня от бальзама твоего так сморило. Крепкий, зараза, очень. Видно не для моего ослабленного организма.

– Ты, что издеваешься надо мной? В твой ослабленный организм литр водки можно влить.

– Маняш, ты же знаешь, что я водку не пью.

– Я знаю, что ты пьяница. Я с тобой и так, и сяк. А ты, ты...

Потом она садилась за стол, утыкалась в него лицом и начинала, чуть наигранно, подвивая, плакать. Мне становилось стыдно от того, что опять обидел жену и ее могут услышать соседи.

Слез ее не любил, поэтому тут же давал ей и себе клятвы, что больше никогда, что только сегодня и в последний раз. Маняша поднимала голову от стола, смахивала слезы и спрашивала: «правда, в последний раз»? Она хотела верить и хотела прощать. Любви уже не было, а осталось неизбывное желание (сколько сил потрачено) «подогнать» меня под свой идеал мужчины, который я очень слабо себе представлял, и поэтому не понимал, что от меня хотят. И, чтобы вымолить прощение (мне всегда было очень стыдно), я становился положительным мужем.

После работы ехал домой, пил после ужина пил чай с бальзамом, курил на площадке, мыл полы и исполнял супружеский долг по трезвости. Я не уверен, что это было для нее идеалом мужчины. Но ничего другого предложить не могли и не хотели, так как и я, и она уже знали, что это ненадолго. Срывы происходили по – разному, но с одной и той же последовательностью: сначала стал напиваться за ужином, потом уже к ужину приезжать пьяный. За ужин я не переживал: жена чертовски отвратительно готовила.

Просвет в нашей семейной жизни наступило только тогда, когда у жены появился любовник. Я бы не догадался. Она сама об этом сообщила, надеясь сделать мне больно. И

это ей удалось. Я расстроился, но не осуждал жену. Чтобы еще сильнее расстроиться, впадал в эротические фантазии, представляя, как некто имеет мою Маняшу. Это возбуждало меня так, что немедленно хотелось жену. Желание сравнить видно заводило и ее. Я стеснялся спрашивать, кто же лучше?

Сегодня я не лучше. Хотя не очень – то и хотелось. Так, просто не спалось. И все же. Кто лучше?

Я встал и пошел покурить на кухню. По пути заглянул к дочке в комнату. Девочка тихо спала, сладко причмокивая во сне, поправил одеяльце и поцеловал ее в лобик. На кухне сразу выпил стакан портвейна, который не успел допить вечером. Прикинув, что к утру запах рассосется, выпил еще. И сразу захотелось женщину, вернулся в спальню и начал приставать к жене. Она, дура, на меня раскричалась, но уснуть уже не могла, Выполнив свои супружеские обязанности, я отвалился и тут же крепко заснул.

Утром на работу собирался в хорошем настроении. Попросил жену завязать мне галстук.

– Куда собрался? – спросила она, придерживая на моей шее галстук. – Так бы и удавила тебя. – Я ей верил.

– За что? – тем не менее, почти искренне удивился я. – Сегодня последний учебный день, и у меня родительское собрание.

– Значит, опять пьяный придешь? – Утвердительно спросила она. – Как же ты мне надоел. Всю жизнь испортил. – Маняша начинала заводиться.

– Не кипятись. У нас все скоро будет хорошо. Причем не просто хорошо, а очень хорошо. Я скоро героически погибну, и ты навсегда останешься женой героя в отдельной квартире со всеми удобствами и отдельным санузелом. Ты сделаешь из нашей квартиры мемориальный музей и будешь водить тематические экскурсии для пионеров «Герои живут рядом».

– Опять паясничаешь?

– Почему же. Очень даже серьезно. Представляешь, тебя пионеры спрашивают: «А скажите, пожалуйста, как же героически погиб ваш муж»? Ты ведешь их к туалету и показываешь: «Когда блевал, упал головой в унитаз и захлебнулся». Потом закатаешь глаза к потолку и добавишь: «Он так любил море».

– Юр, но неужели мы не можем жить нормально? – жена желала перемирия.

– Конечно, можем. Ты и сейчас нормально живешь. – Произнес я с намеком. – Ладно, вечером мы поговорим. Я сразу после собрания домой. Обещаю.

Уроки прошли легко. До собрания проверил дневники, выпил стакан портвейна, который всегда хранился за высокими томами «Детской энциклопедии». Закурил, начал фантазировать. Я очень люблю фантазировать – красивая жизнь получается. Я представил себе такую картину: сидим мы на педсовете, все внимательно слушают доклад директора. Хороший такой доклад, громкий, четкий. Вдруг в кабинет входит, нет, врывается секретарша и с придыханием в голосе го-

ворит: «Там, там... народная артистка СССР Алла Пугачева приехала, Юрия Ивановича спрашивает». Я встаю и тихо говорю: «Можно выйти, это моя жена. Ключи от квартиры забыла». Учителя начинают мне аплодировать. Или лучше сама Пугачева заглядывает, полная тишина от изумления, и она так нежно говорит: «Юрик, милый, я так по тебе соскучилась». Я же отвечаю жестко, со стальными нотками в голосе: «Алла, будь любезна, подожди за дверью. Мы с коллективом обсуждаем проблемы оптимизации учебного процесса». Она уже смущенно, и, тушуясь: «Как скажешь, милый. Я подожду тебя за дверью».

Посмотрел на часы. До собрания два часа. Заглянул еще раз за «Детскую энциклопедию». Я люблю пить в одиночестве. Жена говорит, что это наипервейший признак алкоголизма. А мне нравится. После второго стакана я обычно ухожу на войну. Как правило, на Отечественную. Вся школа провожает меня. И жена тоже. Иногда настоящая, иногда народная артистка СССР. Настоящая прощается без сожаления, а народная артистка плачет. Через три года возвращаюсь с фронта. Небритый, в шинели без знаков различия. Звоню в квартиру. Открывает жена настоящая. Растерянная и удивленная: «Я думала, что ты геройски погиб». Я молча вхожу в квартиру и вижу любовника, толстого и лысого. Пауза. Потом скидываю шинель на пол, а под ней китель с генеральскими погонами, а на груди сияет звезда Героя Советского Союза, иногда две. Хватаюсь за пистолет. Здесь мои

фантазии замедляются. Я в раздумье, кого пристрелить? Так и не решив, еще раз заглянул за «Детскую энциклопедию», закурил. Посмотрел на часы и стал думать: «Сбежать еще за бутылкой или сначала стать Генеральным секретарем»? Рас-судок оказался сильнее сердца. Я сбежал за портвейном, но пить не стал. «После собрания выпью».

К началу собрания был почти трезвый. Только запах не рассосался. Но мои родительницы прощали мне эту слабость, в противном случае все давно бы стало известно директору, хотя ему и так много известно. В таких случаях вызывает меня к себе в кабинет и начинает:

– Жалуются на вас Юрий Иванович.

– Кто? За что? – делал я удивленные глаза. – Вы же сами всегда говорите, что у меня со всеми хороший контакт.

– Хватит, ваньку валять. Жалуются, что от вас постоянно перегаром несет.

– От меня? Перегаром? Да быть такого не может. Откуда ему взяться?

– Вот это я и хотел выяснить.

– Я в полном недоумении. Правда, мы с женой по вечерам пьем чай с бальзамом. Может, от него? Точно от него. Сегодня же жене скажу, что получил на работе нагоняй, и, что теперь никакого бальзама.

– Хочешь сказать, – директор привычно перешел на «ты». – Хочешь сказать, что это у тебя от бальзама?

– От него. У меня организм так устроен. Протестует про-

тив бальзама. Я проверял. Когда нормально выпьешь, запаху никакого. А, как бальзам... Все, обещаю, больше никакого бальзама.

– Тебя говорить, что-либо бесполезно, – директор устало махнул рукой. Он, в общем-то, мужик нормальный. Его должность обязывает, на сигналы реагировать.

За час провел общую часть, раздал дневники. Потом еще час беседовал индивидуально. Мамы любили со мной поговорить, так как знали о моем очень добром отношении к детям. Мне кажется, что и с мамами я был добр и мил, никогда не отказывался, если кто-то из них приглашали меня в гости. Но сегодня приглашения вежливо отклонил, так как обещал Маняше быть пораньше и трезвым.

Все. Класс опустел. Я засобирался домой, но прежде аккуратно выбил пробку из бутылки старым студенческим способом: с помощью толстой книги. Обычно это был «Капитал» Маркса. Выпил стакан. Заткнул бутылку. Закурил. Бутылку аккуратно положил в «дипломат». Выключил свет в кабинете, и полутемной лестницей стал спускаться вниз. Пока сторож, гремя ключами, открывал мне дверь, предложил ему выпить на «посошок». Мы допили бутылку, покурили. Он посоветовал быть мне бдительным: милиция совсем распоясалась, хватает кого не попадая. И пытался мне поведать, как его позавчера не за что не про что милиционеры повязали. В благодарность за то, что его выслушали, вытащил из тумбочки бутылку такого же портвейна. «Много не налью, – сразу

предупредил сторож. — Мне еще всю ночь дежурить». Выпили аккуратно по полстакана. Закурили. «Может, еще по чуть — чуть»? — предложил он. Допили бутылку, и я заспешил на выход.

Вышел на улицу. Свежий воздух не сильно взбудрил меня, но все равно хорошо, — завтра каникулы. Я посмотрел на часы. Магазин еще открыт, взял бутылку портвейна и пошел на электричку. По дороге прикинул, что полбутылки смогу выпить в электричке, а остальное оставлю на потом, на завтрак, так как в школу можно будет не спешить. Войдя в электричку, не стал проходить в вагон, а остался в тамбуре. Шариковой ручки вогнал пробку внутрь бутылки и стал пить из горла. Выпил ровно полбутылки, но неаккуратно: облил галстук. Поэтому я так не люблю носить галстуки: вечно в пятнах. Захотелось чего-нибудь поесть. Закурил. Потом прошел в вагон и сел. Сейчас буду фантазировать. Я, советский разведчик, засланный в самое логово...

Проснулся от того, что стало холодно. Я открыл глаза. В вагоне было темно и тихо. Электричка стояла. Я вышел из вагона и стал озиаться вокруг. Станция мне была не знакома. Наверное, я проспал свою остановку. Это открытие меня успокоило. Осталось только понять, сколько сейчас времени, где я и как отсюда выбраться?

Времени было два часа ночи. А станция называлась Серпухов, и первая электричка будет только около пяти утра. Я достал портвейн и выпил от половины бутылки половину,

закурил. И стал думать о жене, которая наверняка волнуется. Вчера я ей спать не давал, а сегодня сама не спит. Может быть, развлекается с любовником в нашей постели. Я даже расстроился, когда представил, как он снимает мои тапочки и ложится в кровать из чешского гарнитура, за которым стоял в очереди в магазине всю ночь. Точно в моих тапочках. Не будет же он тапочки с собой в гости носить? Хотя мог и со своими прийти. Звонит ей и говорит, что так, мол, и так, хочу тебя видеть. Она ему, конечно, отвечает, приходи. Муж все равно на ниве просвещения задерживается. Только тапочки с собой захвати, а то наследишь, только помыла полы. Маняша – страшная чистюля. Я допил вторую половину половины бутылки, закурил и скупно по – мужски заплакал: портвейн закончился, а электричка будет не скоро.

Глава третья Как росинка на молодом побеге

Я даже не подозревал, что слова «портвейн» и «партийный» почти однокоренные для коммунистов, пока сам не оказался в рядах коммунистической партии Советского Союза. Как-то после уроков в полном мужском составе: физрук, военрук, трудовик, математик и я, историк выпивали в школьных мастерских. Выпивать в мастерских было очень уютно и безопасно: аквариум, диван и керосинка, на которой получалась удивительно вкусная жареная картошка. Мастерские мы называли бункером, так как они располагались в подвале и имели отдельный выход, что позволяло незаметно самостоятельно покидать школу или транспортировать тела. В тех случаях, когда тело некому было уже выносить, оно на ночь оставалось на диване.

Нас объединяла не только любовь к выпивке, но и незатейливые, как лозунги на первомайской демонстрации, имена – отчества: я – Юрий Иванович, физкультурник – Иван Иванович, трудовик – Василий Фомич, военрук – Николай Петрович. Только математик выбивался из общего ряда: он был не только Михал Абрамычем, но и секретарем школьной партийной организации, любившим выпить на халяву. Правда, и то, и

другое ему прощалось за умение поддержать беседу на высоком идейном уровне, превращая банальную выпивку в политическое мероприятие школьного масштаба. К тому же, изредка он развозил нас по домам на своем стареньком «Москвиче». Эти редкие поездки были удивительно волнительны своей непредсказуемостью. Нужно ли нести хозяина до машины или он дойдет сам? Машина заведется сама или, как обычно ее нужно будет толкать? Как быть, если все заснует в машине? Но странное дело, поездки на автомобиле всегда заканчивались благополучно. Ухватившись за руль, Михал Абрамыч как будто трезвел. По крайней мере, он уверенно переключал скорость, прищуривал глаз, чтобы не двоилось и всегда заводил песню: «Наш паровоз вперед лети»...

Наша пьянка тянулась уже третий час. Кончилась водка и картошка, но расходиться не собирались: хотелось еще выпить и поговорить.

– Вот что, Юрий Иванович, – с напускной строгостью обратился ко мне Михал Абрамыч, – водка, как видишь, кончилась, а зафиксировать выпитое необходимо. Правильно, я говорю товарищи? – это он уже ко всем. «Товарищи» дружно закивали головами. – Так что, беги Юрий Иванович в магазин и возьми три, нет четыре бутылки нашего «партийного».

– Какого? – Не понял я.

– Эх, Юрий Иванович, как же мне тяжело с вами, с беспартийными. «Партийное» значит портвейн. Скидываемся, товарищи.

Мы скинулись по два рубля, а недостающие тридцать копеек добавил Михал Абрамыч. Все сделали вид, что так и должно быть.

– И помни Юрий Иванович всегда кредО нашей партии: «Если партия говорит: «Надо», комсомол отвечает: «Счас сбегает». – С этим кредО партии меня и отправили в магазин. Где-то это кредО я уже слышал. Надо будет вспомнить.

Получив от меня партийную жидкость, Михал Абрамыч аккуратно и справедливо разлил портвейн по стаканам. – Прежде, чем мы потребим эту удивительную влагу, я хочу сказать пару слов. Все, вы хорошо знаете, товарищи, что в нашем обществе имеются отдельные недостатки. И коммунисты всегда первыми указывали на них. Почему, вы меня спросите, коммунисты? – Спрашивать никто не хотел, хотелось быстрее выпить. – Я отвечаю вам, чмо беспартийным. Да, потому, что коммунист настолько кристально чист, он, как росинка на молодом побеге, что никто, я повторяю, никто, не обвинит его в очернении нашей советской действительности. Так выпьем за советскую действительность, которую никто уже очернить не сможет.

Я так никогда и не узнал, издевается он или говорит серьезно. Рассказывали, что при Сталине сидели и его дед, и отец. А страх – штука не привнесенная, а передающаяся на генетическом уровне. Выпили еще, потом еще. Иван Иванович взял гармошку, и понеслись любимые частушки:

Как на Киевском вокзале
Вышла катастрофия.
Муж попал под самосвал,
А жена под шофера.

В магазин я бегал еще дважды. Наконец, Иван Иванович с Николай Петровичем, взявшись крепко за руки, попытались уйти домой. Две попытки оказались неудачными: в дверь проходили только сцепленные руки. И только встав «паровозиком», они, наконец, смогли выйти. Хозяин мастерской, Василий Фомич тихонько посапывал на диване. Михал Абрамыч казался трезвым, только неестественно безжизненные глаза, смотрящие в одну точку и дрожащая рука со стаканом, выдавали его опьянение. Казалось, что он не замечал меня и все внимание сосредоточил на стакане.

– Ты кто? – спросил он, и не дожидаясь ответа, опрокинул в себя стакан с портвейном.

– Как кто? – я опешил от его вопроса. – Учитель истории, ваш коллега.

– Ты кто? – еще раз переспросил он. – Если ты не коммунист, ты никто, ты говно. А с говном я не пью. Наливай. – Он протянул руку со стаканом и в то же мгновение уронил голову на стол и захрапел. Мероприятие закончилось. Я аккуратно вынул из его руки стакан, под голову для удобства подложил тарелку с квашеной капустой и засобиравшись домой.

Следующий день прошел в муках раскаяния и головной

боли. Было стыдно за вчерашний день. Хотелось начать новую жизнь, но сначала хотелось выпить. Пили тем же составом в «легкую» исключительно для поправки здоровья и экономии денег.

– Слушай, Юр – обратился ко мне Михаил Абрамыч. В трезвом состоянии он общался с коллегами более фамильярно. – Не пора ли тебе в партию вступать. Анкетные данные хорошие: историк, женат, в коллективе пользуешься уважением. Так ведь, товарищи?

После «поправки здоровья» товарищи были в благодушном настроении и согласно закивали.

– Я дам тебе рекомендацию, – продолжил он – директор даст. Короче, пиши заявление.

– Прям счас? – выразил я некоторое удивление.

– Нет, сначала за бутылкой сбегашь.

– Но, Михал Абрамыч, – не очень охотно я попытался отказать. – Мы же договорились, что сегодня по одной и разбегаемся.

– Юр, ты что. Такой праздник образовался. В партию тебя провожаем. Будем обмывать молодого коммуниста.

Это Василий Фомич с Иван Ивановичем подвели идеологическое обоснование.

– Товарищи, правильно говорят, Юра, – строго произнес Михал Абрамыч. – Давайте, Юре по рупь пятьдесят.

Я собрал деньги. Михал Абрамыч как обычно дал тридцать копеек.

– Возьми сразу пять бутылок, чтобы потом не бегать, – напутствовал он меня.

Я быстренько подсчитал, что с меня почти шесть рублей. Деньги у меня были, так как после работы я должен был купить домой продуктов.

Сначала мы выпили за молодого коммуниста, потом за того, на чье имя было заявление, за Михал Абрамыча. На третьем стакане Николай Петрович уронил на заявление квашеную капусту. Мужики на него зашумели, что он такой неловкий, зря добро переводит. Капуста действительно была замечательная.

Я по новой начал переписывать заявление. После слов «прошу принять меня кандидатом в члены КПСС», меня переклинило: я начисто забыл, что писать дальше.

– Михал Абрамыч, а что писать после слов в «члены КПСС»?

– Юрий Иванович, вы меня удивляете. – Чувствовалось, что секретаря парторганизации «развезло». – В такой ответственный момент, я бы даже сказал священный миг, вы не можете себе ответить, почему я хочу стать членом партии. Коммунист, бя, это как росинка на молодом побеге. Пиши...

– Что писать Михал Абрамыч? Что хочу стать росинкой на молодом побеге?

– Слушай меня, бя и пиши: «Прошу принять меня кандидатом в члены КПСС, чтобы быть таким же чистым и про-

зрачным, как росинка на молодом побеге». Ставь число и подпись.

Я написал, как продиктовали. Выпили по третьему стакану. Пьяны были все без исключения. Даже Михал Абрамыч, который все же успел сказать мне:

– Давай сюда заявление, пока снова не заляпали. В понедельник проведем партсобрание и примем тебя в наши ряды строителей коммунизма.

Он забрал у меня заявление и спрятал в своем портфеле. В этот торжественный и судьбоносный для меня вечер я заночевал в школе. Точнее, мы все остались, справедливо решив, что завтра все равно воскресенье.

Ранним утром добирался до дома больной и понурый, с изрядной долей страха, что придется держать ответ перед женой, но с законным чувством гордости за себя и мировое коммунистическое движение. Одним коммунистом на планете Земля стало больше.

В семь утра я был уже дверей своей квартиры. Надеюсь, что жена еще спит, очень тихо открыл замок и на цыпочках начал протискиваться в дверь, надеюсь сразу нырнуть в ванную. Но едва я только просунул голову, как получил по ней же неожиданный и поэтому очень болезненный удар чем-то очень твердым. Ноги подкосились, и я упал на пол в коридоре. Я бы и так упал, но удар ускорил мое падение. Лежа на спине и закрыв на всякий случай голову руками, увидел над собой перекошенное от злобы лицо Маняши с зонтиком

в руках. Это им был нанесен столь чувствительный удар не только по голове, но и по моему самолюбию. Какая-то же-на бьет коммуниста, возможно даже будущего лидера всего коммунистического движения, но вслух только произнес:

– Я больше не буду.

– Что не будешь?

– Не буду больше на работе так долго задерживаться.

– Не ночевать дома, ты называешь «задержаться на работе»

– Я готовился к вступлению в коммунистическую партию, писал заявление, потом отвечал на вопросы товарищей, обсуждали политическое положение в мире. Так увлеклись, что не заметили, как утро наступило.

– А перегаром от тебя разит, что задохнуться можно. У вас, что в партии одни алкоголики?

– Не смей так говорить о коммунистах. Коммунисты, как росинка на молодом побеге...

– Что, что? – Маняша явно опешила. – Уж не белая горячка у тебя начинается?

– Что ты ерунду городишь, – возмутился, но на всякий случай, не отнимая рук от головы. Я и белая горячка. – продолжил, как мне показалось даже с достоинством, и попытался подняться, но не смог: от пережитого волнения ноги были, как ватные. – Помоги лучше подняться. Не видишь, что мне тяжело. Я попытался перехватить инициативу.

– Я тебя сейчас помогу. Еще раз по голове огрею.

Не смотря на угрозу, жена явно смягчилась. Она боялась, что я мог провести ночь с женщиной. Но видимо мое объяснение, и внешний вид ее вполне удовлетворили, и она помогла мне встать.

В дальнейшем выходной день прошел тихо и обыденно. Немного поспав, я сходил за сигаретами к соседу, у которого всегда был спирт. Выпил ровно пятьдесят грамм, занял у него же денег, сходил в магазин и купил продукты. Жена оценила мою заботу и позволила выпить из домашних запасов сто граммов коньяка для повышения тонуса. С ее молчаливого согласия я выпил двести. Вышел покурить на площадку с соседом. Выпил ровно сто грамм спирта. Покурили, поговорили про Гондурас. Сосед предложил еще выпить, но я отказался: «Если совсем чуть – чуть, граммов двадцать пять». Наступило окончательное просветление, и с чувством законной гордости отправился спать.

На следующий день в школе Михал Абрамыч предупредил меня:

– Не забудь, сегодня после уроков в кабинете директора будет партсобрание. Будем тебя в партию принимать.

– Помню, помню. – Успокоил я его.

После уроков я робко постучался в дверь кабинета директора. Когда вошел, все коммунисты во главе с Михал Абрамычем были в сборе. Мужиков и коммунистов в школе было почему-то всегда мало. Вся партийная организация легко разместилась полукругом вокруг директорского стола. Ди-

ректор ласково пригласил:

– Проходи и присаживайся Юрий Иванович.

– Спасибо.

Я скромно сел поодаль. Михал Абрамыч откашлялся и торжественно произнес:

– Уважаемые товарищи коммунисты сегодня у нас на повестке дня один вопрос: «О приеме кандидатом в члены КПСС учителя истории Рагозина Юрия Ивановича.» Сейчас я зачитаю личное заявление Юрия Ивановича.

Михал Абрамыч надел очки, поднес близко к лицу мое заявление, написанное в жарких дискуссиях и начал читать: «...прошу принять меня кандидатом в члены КПСС, чтобы быть, как росинка на молодом побеге». Я оцепенел. Забыл переписать заявление? Михал Абрамыч засуетился: «Даже не представляю, откуда появилось такое заявление? Очевидно, Юрий Иваныч по молодости что-то напутал». Вот, гад. Сам надиктовал, а теперь все валит на меня.

– Наверное, в мастерских писали заявление? – Обратился ко мне директор. Я молчал, не зная, что сказать.

– Я не знаю, где он писал заявление товарищ директор. – Судя по обращению к директору, Михал Абрамыч сильно перетрухнул. – Юрий Иваныч мне передал его в коридоре на третьем этаже. Ведь так было Юрий Иваныч? – Мне ничего не оставалось, как молча согласиться. Он же продолжал оправдываться. – А я виноват, не досмотрел, по причине усталости бдительность потерял.

– Знаю, я, Михал Абрамыч вашу усталость. Напились, как всегда, и эту чушь надиктовали. Ладно, заявление он переписет. Давайте перейдем к голосованию. – Директор взял на себя ведение собрания. – Вопросы к кандидату есть? Нет. Будем голосовать, Кто «за». Решение принято единогласно. Поздравляем Юрий Иванович со столь значительным событием в вашей жизни. И всегда помните, коммунист должен быть кристально чистым, как росинка на молодом побеге...

Глава четвертая

Работа с учебником

Немного ошибся: восемь с половиной. До другой стены от стола около одиннадцати. Проверяю. Точно. Одиннадцать шагов, след в след. Посмотрел на часы. Прошло только две минуты. Господи, как же тянется время. Ладно, посчитаю, сколько же мы вчера выпили. Пили примерно поровну плюс – минус полстакана. А было нас около шести человек. Я» ломаюсь» обычно к концу второй бутылки. Значит, выпили мы около двенадцати бутылок. Сколько осталось времени? Еще целых тридцать пять минут. Ночевал я дома. Это скорее предположение, чем бесспорный факт. Иначе, с какой стати Маняша с утра звонила бы на работу и зло интересовалась, где я пропадал всю ночь. Тогда где же я был? Мои раздумья были прерваны вопросом:

– Юрий Иванович, на вопросы в любой последовательности можно отвечать?

Это Кочегаров с первой парты. Я не сразу понял, что он от меня хочет. Какие вопросы? Какая последовательность? Совсем забыл. Это он про вопросы к параграфу

– Ты можешь в любой последовательности.

Прошло еще две минуты. «Господи, куда же она запропа-

стилась. Я же просил по – быстрее. «Одна нога там, другая здесь». От боли голову просто корчило и разрывало на части. В дверь постучали. «Она»! – обрадовался я. Но, каково же были мое разочарование и досада. В дверях торчала голова завуча, Лидии Сергеевны.

– Юрий Иванович, можно вас на минуточку, – позвала меня голова завуча.

– Слушаю вас, Лидия Сергеевна, – ответил, стараясь близко не подходить и не дышать в ее сторону. Но не получилось: слишком глубоко выдохнул от волнения.

– Ну и запахок от вас, Юрий Иванович, – Лидия Сергеевна брезгливо отмахнулась рукой. – Опять в мастерских гудели. Мой – то с вами был? – как бы невзначай спросила она.

Я на секунду задумался, что сказать. И решил ответить нейтрально:

– Не знаю Лидия Сергеевна. Может, был, а может, нет. Не могу ответить. Я даже сомневаюсь, а был ли там я. Вот, как раз ломаю голову над этой задачей. Был или не был? Вот в чем вопрос.

– Хватит паясничать. Допрыгаетесь, – прошипела она.

Но я не очень-то не испугался, потому что точно знал, что ее муж пил с нами. А главное, она сама все прекрасно знает, просто хочет проверить на прочность нашу мужскую дружбу.

– Ладно, в конце концов, это не мое дело, – уже более миролюбиво ответила Лидия Сергеевна. – И без вас голова пухнет от своих проблем. Я, что пришла. После шестого урока

планерка. Явка строго обязательна.

– Есть, – попытался как можно бодрее отрапортовать я.

Голова завуча исчезла. Разговор с ней занял всего семь минут. Когда же она, наконец, придет? Я же просил, чтобы одна здесь, а другая...

– Юрий Иванович.

Опять этот Кочегаров. Засранец какой! Надоел уже со своими вопросами. Ладно бы, отличником был. Эти «ботаники» всегда все вопросы задают.

– Да, Кочегаров, я тебя внимательно слушаю.

– А, кто все сделал, что делать дальше? – действительно засранец. Уж этого от него точно не ожидал.

Я мучительно задумался. Интересно, как бы поступил на моем месте великий русский педагог Ушинский, если бы пришел на урок с такого «бодуна»? Наверное, сначала бы опохмелился. Царская самодержавная власть просто бы не допустила его не похмеленным на урок. Я живо представил себе картинку. Идет в школу грустный и понурый великий русский педагог Ушинский. А на входе его встречает швейцар, в руках поднос, а на подносе стаканчик запотевшей водочки, рядышком, порезанный кружочком малосольный огурчик и говорит: «Выпейте Ваше превосходительство водочки, а то, что-то вид у вас смурной».

– Юрий Иваныч? Что дальше-то делать?

Я – не Ушинский, и в школе развитого социализма нет швейцаров.

– Читай следующий параграф и отвечай на вопросы.

– У – у, – разочарованно протянул Кочегаров. – Я думал...

– А ты не думай. Читай и отвечай.

В дверь постучали. Теперь-то уж, точно она.

В дверях появилась очередная голова, но совсем не та, которую я ждал.

– Юрий Иванович, можно вас на минуточку, – позвала меня голова Петровича, мужа Лидии Сергеевны. Остатки волос, образующие на голове венчик, были взъерошены, сам сильно взволнован.

– Моя была у тебя?

– Была.

– Про меня спрашивала?

– Спрашивала.

– А ты, что ответил?

– Сказал, что не помню.

– У – у, ё. Что ты наделал. Она меня сегодня закопает

– Что наделал? Как было, так и сказал.

– Ты, что? Я же наврал ей, что у тебя заночевал.

– Да, я ведь живу на другом конце города.

– Вот, вот. Это и хорошо, что ты живешь на другом конце города. Ты себя плохо почувствовал. Я помог тебе добраться домой. Пока доехали, то да се. Время уже позднее. Телефон у тебя не работал, сообщить, что задерживаюсь не мог, поэтому и остался у тебя.

– И чего ты нервничаешь? Я же не сказал ей, где ты был.

Я сказал, что не помню. А был-то ты, где на самом деле?

– Ты, что, действительно, не помнишь?

– Не помню.

– Мы с тобой из школы к Татьяне пошли.

– К какой Татьяне?

– Неужели ничего не помнишь? Ты даешь! К Степановой Татьяне пошли.

– Зачем?

– Да, как зачем? У нее всегда выпить есть. Тем более, что ты все кричал: «У меня недопитие, у меня недопитие. – Петрович с шепота сорвался на крик.

– Да, тише ты. Урок идет. А что дальше-то было?

– А дальше плохо было, – Петрович с сочувствием посмотрел на меня. – Мы с тобой пришли, правда, ноги ты уже слегка приволакивал, а у Татьяны гости. Она хоть и не очень обрадовалась нашему приходу, но приняла нас нормально, за стол усадила. Даже по рюмашке выпить успели. Ты слова хорошие сказал: про любовь и дружбу, со стихами, все, как полагается. Одна из подруг Татьяны рюмку только пригубила. Вдруг, ты, ни с того ни с сего, на нее кричать начал: «Я с уклонистами от генеральной линии партии за одним столом сидеть не буду. Настоящий коммунист пьет всегда до дна. Покажите мне здесь настоящих коммунистов». Схватил ее рюмку и в себя опрокинул. И вновь кричать: «Коммунисты, вперед! Налить еще настоящим коммунистам». Потом частушки распевал.

– Опять? Приличные?

– Если бы.

Я схватился за голову. Какой позор! Татьяна была заместителем Михал Абрамыча, за идеологию отвечала. Во, попал! Сколько раз давал себе зарок. Выпил стакан, все, о партии ни слова.

– И чем все это закончилось?

– Тебя выгнали, а меня оставили.

– А ночевал – то ты где?

– Где, где! – завелся от моей непонятливости Виктор Михайлович. – В Караганде. У Татьяны остался. Всю ночь за тебя просил, ходатайствовал, так сказать.

– А больше ты ничего не просил? – попытался я съехидничать.

– Остальное я получил на блюдечке с голубой каемочкой. Баба – класс! Даже не предполагал, что в вашей партии такие бабы могут быть, – Петрович самодовольно ухмыльнулся. Я всегда удивлялся Петровичу: внешне ничего особенного, жена под боком, и «пасет» постоянно, а женщины на него, как рыбы на нерест, косяком шли.

– В общем, так, – продолжил он. – На перемене беги к Лидке и скажи, что запамятовал, а теперь вот вспомнил – муж ваш у меня ночевал. Сделаешь?

– Сделать-то сделаю. Только я не уверен, что я сам дома ночевал.

А где ж ты был?

Не помню.

– Помнишь, не помнишь, а жене моей скажи, как я просил. Кстати, ты полечился?

– Да нет еще.

– А я принял. Пол – чекушки оставалось. Ладно, я пошел, а то мои оглоеды класс разнесут

Я опять наедине с самим собой, а до конца урока еще двадцать минут. Головная боль и напоминания о вчерашнем позоре доканывали меня. И все – таки, есть высшая справедливость! Я услышал голос той, которую так ждал.

– Юрий Иванович, можно вас на минуточку.

Я знал, куда и зачем иду, поэтому, обращаясь к классу, строго произнес: " Я к директору, всем работать с учебником».

За дверью ждала меня, она, тетя Маруся, моя любимая нянечка. Пушкину Арина Родионовна сказки сказывала, а моя тетя Маруся похмеляла меня.

– Очередь была, поэтому так долго, – начала было оправдываться она за задержку.

– Ладно, тетя Маруся, самое главное, что пришла. Где?

– Я тебе в подсобке все приготовила. Иди. Я пока за классом пригляжу. Что у тебя там? Работа с учебником? – Тетя Маруся около двадцати лет проработала в школе нянечкой. И наизусть знала все наши методические приемы в таком непотребном состоянии.

В подсобке на опрокинутом ведре, накрытым газетой сто-

яла бутылка портвейна, на тарелке – порезанная колбаса и квашеная капуста. «Заботливая», – трогательно подумал о тете Марусе. Выпив залпом, стакан и закусив щепоткой капусты, тут же закурил. Тиски, державшие голову, слегка разжались. Я почувствовал себя гораздо лучше. «Остальное, после уроков допью, – решил я. – Сейчас больше нельзя, иначе повести может».

– Ну, что Юр, полегчало? – шепотом спросила тетя Маруся, высвобождая мне место за учительским столом.

– Спасибо, тетя Марусь, – так же шепотом ответил я. – Как бы я без тебя жил?

– Ох, Юра, Юра, – проворчала она уже в дверях.

В ее словах ко мне было больше жалости, чем осуждения. Не раз она говорила мне: «Как же Юра можно такую светлую голову пропивать. Мужик нормальный вроде, учитель хороший, дети тебя любят»... «...И не дети тоже», – добавлял я. «Бабы тоже тебя любят, – соглашалась она. – Так, что тебе не хватает. Только жить начинаешь».

Действительно, чего мне не хватает? Если разложить по полочкам, вроде все в наличии имеется. Начинаешь с этих полочек все одно место складывать, смотришь, ничего нет, пустота. Я отогнал никчемные мысли, так как ощутил прилив пьяной энергии. Посмотрел на часы. До конца урока оставалось еще пять минут. Захотелось сделать что – нибудь полезное для себя и для общества. Решил посчитать пустые бутылки, поэтому направился к задней стене класса, где сто-

яли книжные полки. Открыл верхнюю полку: Маркс, Ленин и пыль. Присел на корточки, чтобы удобнее было проверить содержимое нижней полки. Насчитал пятнадцать бутылок. – «Надо будет сегодня вынести», – подумал я. Мысль мне понравилась своей общественной значимостью. Я стал подниматься и стукнулся головой о верхнюю приоткрытую дверцу шкафа. От неожиданности и боли непроизвольно вскрикнул: «Бля»! Я стоял спиной к классу, но по установившейся тишине понял, что ученики повернули головы в мою сторону и смотрят на меня в полнейшем молчании. Видно столько боли и недоумения было в моем вскрике, что они даже не знают, как реагировать. Я тоже не знал, Посмотрел на часы. До конца урока осталась примерно минута. Она показалась мне вечностью. Наконец, раздался звонок. Оставаясь возле шкафов, так и не решаясь, выйти к классу, только и произнес: «Сдавайте тетради. Урок закончен».

Глава пятая Махровый халатик

Я остался лежать, а Маняша выскочила из постели, вынула из пакета халат и быстро накинула на себя. Повертевшись перед зеркалом, подошла ко мне и поцеловала в щеку.

– Спасибо тебе, родной. Первый раз ты подарил вещь, которая мне очень подходит.

Халат действительно был хорош, бледно – розового цвета, безразмерный и с капюшоном. Жена просто утопала в нем, виднелось только радостное и покрасневшее личико, которое еще несколько минут назад с жаром целовал. Женские же ее прелести халат скрывал плотно, но не наглухо. Только дерни за поясок, и Сезам откроется.

– Сколько он стоит?

– Нормально стоит, – ушел я от ответа.

– А как тебе денег хватило? – с ироничной подозрительностью спросила Маняша.

– Во всем себе отказывал, – мне очень не хотелось развивать эту тему.

– Какой же ты у меня замечательный! – воскликнула Маняша, еще раз чмокнула в щеку, скинула халат и направилась в ванную, чтобы потом надеть его уже по необходимости.

Маняша еще и потому так радовалась подарку, что такой халатик в 1983 году купить в Москве было невозможно. У

нас были ракеты, которые могли долететь до Америки, были атомные станции, в безопасности которых были уверены на все «сто», но вот таких простеньких махровых халатиков не было.

Где-то в апреле директор после уроков вызвал меня к себе. Когда я вошел в кабинет, в притык к директорскому столу сидели Белла Павловна, учительница русского, дама пост-бальзаковского возраста, безнадежно задержавшаяся в старых девах и Петрович, который на удивление был трезв и серьезен.

– Садись, Юрий Иванович, – пригласил меня директор. – Значит, дело такое, товарищи, – уже ко всем обратился он. – Из софийской школы к нам пришло официальное письмо. Приглашают трех учителей по обмену опытом. Я решил в эту поездку отправить вас троих. Белла Павловна будет представлять нашу партию, Николай Петрович по профсоюзной линии, а Юрий Иванович, как представитель молодого учительства, к тому имеющий бесценный опыт пребывания в Болгарии. – Ты же студентом был в Болгарии? – утвердительно спросил директор.

– Был, был, – я согласно закивал головой.

Я почти два месяца проработал в студенческом отряде. Мой «бесценный опыт» состоял из помидор, ракии и Пинчи. За то лето я съел такое несметное количество помидоров, что испытываю к ним отвращение по сей день. Ракия – изумительная фруктовая водка – самогон. Она такого пресыще-

ния, как помидоры не вызвала, поэтому всегда вспоминал о ней с нежностью, так же, как и о Пинче, первой моей зарубежной девушке.

Мне по молодости и дремучей наивности казалось, что иностранные девушки – это нечто принципиально иное, чем наши. Но Пинча оказалось точно такой же, как и наши комсомолки. Все, что меня интересовало, располагалось у нее на тех же местах, только девушкой она оказалась менее сговорчивой. За целый вечер я так и не смог стянуть с нее джинсы. Неудачей был не очень обескуражен, так как корень проблемы видел в языковом барьере. Пинча, к моему великому удивлению, не знала русского языка. За месяц диалог был налажен, языковой барьер преодолен, джинсы снимала сама.

– У них «да», значит «нет», а «нет» – «да», – вспомнил я еще одну особенность болгарского быта, так как сам не всегда правильно реагировал на покачивания головой Пинчи.

– Это как? – спросил Николай Петрович.

– Когда кивают головой – «нет», когда качают из стороны в сторону – «да», – наглядно изобразил я.

– Надо же, как интересно, – удивился Николай Петрович. – Хорошо, что предупредил, а то я, что-нибудь учудил.

– Да, да, товарищи. Хотя Болгария и братская нам республика, – вмешался директор, – но все равно надо быть бдительным и осторожным. Какая – никакая, а все-таки заграница. Вести себя надо достойно, так как вы представляете лицо всей советской школы.

– Юр, а как там с рыбалкой? Есть где поудить? – спросил Петрович.

Я не успел ответить.

– Николай Петрович, какая рыбалка? – в голосе директора зазвучали почти неподдельные нотки возмущения и недоумения. – Вы едете на две недели в командировку, обмениваться опытом.

– Это какой же опыт надо иметь, чтобы две недели обмениваться? – с сомнением спросил Николай Петрович.

– При правильной постановке дела и двух недель может оказаться мало, – начала рапортовать Белла Павловна. – Доклады, дискуссии, посещение уроков, обмен опытом по профсоюзной работе. Какая-нибудь культурная программа, обязательно венки надо будет возложить на...

– Это уж вы чересчур, Белла Павловна, – поспешил прервать директор учительницу. – Все-таки не на похороны едете. Да и какие уже в июне уроки? А так Белла Павловна все правильно говорит. На всякие там развлечения времени остаться не должно. Ты понял, Юрий Иванович?

– Это вы о чем? – прикинулся я непонимающим.

– Это я о том, – директор выразительно щелкнул по горлу.

И за дружбу между народами нельзя? – проявил я политическую дальнзоркость. За дружбу можно, но только в меру. И последнее, старшим назначается Белла Павловна. Понятно? – закончил разговор директор.

Уезжать мы были должны третьего июня, а накануне, как

обычно в мастерских, мне устроили проводы. Петрович отговорился, сказал, что надо рыбацкие снасти к поездке готовить. Мне тоже надо было спешить, поэтому пили на скорую руку, но Михал Абрамыч то ли от первой летней жары, то ли от отсутствия закуски уже после третьего стакана стал говорить очень проникновенно и идеологически выдержанно.

– Товарищи, мы сегодня провожаем Юрия Ивановича и Николая Петровича за границу. Николая Петровича сейчас нет с нами, но душой он здесь.

– Он бы и телом не отказался здесь побывать? – заметил Василий Фомич. – Ему Лидка еще с утра настрого предупредила, чтобы после уроков сразу домой.

Михал Абрамыч, словно не слыша, только пригладил одной рукой венчик волос и продолжил:

– Им выпала великая честь быть засранцами, тьфу, посланцами страны мирного атома и всеобщего бесплатного среднего образования, но, если где-то империалисты – капиталисты еще бряцают оружием...

– Михал Абрамыч, в магазин больше не побегу. Мне собираться надо, и вообще, жене обещал...

Я уже понял, что «проклятые империалисты» хотят заслать меня в магазин.

– Юрий Иванович, попрошу не перебивать голос партии.

– Юрк, не перебивай. Что ты, в самом деле. Мы все понимаем: заграница, жена, – подал голос Иван Иванович. – Сами сбегает. Ты нам только троячок оставь, и езжай к жене.

– И, если где-то империалисты бряцают оружием, – попытался продолжить Михал Абрамыч, – то пусть все прогрессивное человечество знает, что империализм «но пасаран». И передай всему... Ты куда едешь?

– В дружественную Болгарию.

– И передай всему дружественному болгарскому народу наш коммунистический привет. Короче, «Рот фронт», – Михал Абрамыч поднял левую руку с пальцами сжатыми в кулак, а правой аккуратно поднес стакан портвейна ко рту.

– Ну, ты завернул, Абрамыч, – восхитился Василий Фомич. – Тебе надо бы было с Юркой ехать, а не Петровичу. Он там нажрется, и спать пойдет или рыбу ловить. Ты бы такой «рот фронт» устроил в Болгарии. Всех бы уложил, а сам бы бодрячком остался.

– Надо бы, – печально согласился Михал Абрамыч, – но не могу. Партия считает, что я здесь нужнее. Она мне так и говорит: «Не уезжай».

– Кто говорит? – не понял Иван Иванович.

– Партия, мутила, говорит. Партия.

– Теперь понял. Обзывать только зачем? – обиделся Иван Иванович.

– Я тебя обозвал мутилой только потому, что ты не слышишь голоса партии, потому что она с тобой говорить не хочет, а я с ней каждый день беседы веду. Вот сейчас она вопрошает: «А все ли вы сделали товарищи для торжественных проводов нашего Юрия Ивановича в дружественную нам..., –

Михал Абрамыч запнулся

– ... Болгарию, – подсказал я.

– ... Болгарию, – закончил он.

Голосу партии отказать не мог. Я не только дал денег, но и сам сбежал в магазин. Как никак посланец страны мирного атома.

Маняша, добрая душа, привезла чемодан в школу. Она всю ночь просидела на диване в мастерской, терпеливо дожидаясь моего пробуждения. Когда я проснулся, протянула мне чистые вещи и коротко сказала: «Переоденься, скотина». Обижаться я не стал, молча взял одежду и переоделся.

– Все, поехали, – сказала она, бегло оценив мой внешний вид.

– Ты, что поедешь со мной на вокзал?

– Нет. Я просто хочу побыстрее от тебя избавиться, хотя бы на две недели.

Я не огорчился, так как во рту была ужасная сухость, а в голову словно навертели шурупов. Но все же сумел оценить ситуацию, прикинув, где смогу перехватить хотя бы пивка.

– Что ж, – сказал, изображая огорчение. – И впрямь ни к чему нам долгие проводы. Ты уж извини меня за вчерашнее, не мог мужикам отказать, а от жары разморило. Билет и загранпаспорт при мне.

Для пущей убедительности похлопал себя по карманам.

– Список покупок лежит в кармашке чемодана. Не забудь.

– Я его и так наизусть помню.

Эта была сушая правда. С того дня, как Маняша узнала, что я еду за границу, она занялась составлением списка вещей, которые необходимо будет купить. Список ежедневно менялся и уточнялся, но структура его оставалась неизменной: для семьи, для родственников, для друзей. «Слушай, – говорила она. – Совсем забыли про Ленку. Она нам набор открыток из ГДР в прошлом году привезла. Некрасиво получается». «Давай и я ей открытки привезу с видами Болгарии. Дешево, а Ленке будет приятно» – предлагал я. «Что ж, заложим на нее один лев, – задумчиво соглашалась Маняша. – А, может, тебе подарят открытки, – размышляла она дальше. – Должен кто-то тебе подарить открытки, тогда бюджет перекраивать не надо». «Обязательно подарят», – соглашался я. Потом звонила моя мама, говорила, что передумала и просила вместо кофточки на ту же сумму привезти чайный сервиз. «На маму мы заложили двадцать левов. Ты уверен, что этих денег хватит на сервиз? – с беспокойством спрашивала меня жена. – Ах, что я говорю. Какая, я эгоистка. Если не хватит, что-нибудь не купишь мне или себе», – тут же добавляла она.

Распрощался с Маняшей не то, чтобы сухо, но и без особой теплоты. Женское сердце отходчиво. Когда добрал до поезда, у вагона стояли уже Петрович с женой и Белла Павловна с русско – болгарским разговорником в руках. Петрович не был похож на себя: в костюме наглухо застегнутом на все пуговицы, и что больше всего поразило меня, в галстуке.

Таким я его никогда не видел.

– Всем доброе утро, – еще издали поздоровался я. – Что в вагон не заходим?

– Вас ждем, Юрий Иванович, – сухо и недовольно произнесла Белла Павловна. – Мы, все-таки, официальная делегация, и должны все делать сообща. Поэтому впредь попрошу не опаздывать. Виктор Петрович, прощайтесь с женой, будем заходить в вагон, и готовится к отбытию, – это уже к Петровичу.

Вот, те на, как наша старая дева преобразилась. Лишний раз убеждаешься в правоте истины: «Должность красит человека». Но не того напала. Дай, только время. От вокзала отъедем, а там уж я покажу тебе, как делать «все сообща».

Лидия Сергеевна, одного только взгляда, которой боялись и ученики, и учителя, молча проглотила тираду нашей руководительницы. Переживала, боялась, что Петровича посчитают идейно незрелым и отцепят от официальной делегации.

Еще сорок минут до отхода поезда мы, как китайские болванчики сидели в вагоне. Лидия Сергеевна, оставшаяся на перроне, кончиком платочка вытирала наворачнувшуюся слезу. Наконец, поезд тронулся.

– Странно, что нас в купе только трое, – с недоумением заметил я.

– Ничего странного, – сухо ответила Белла Павловна. – Я, как руководитель делегации не обязана перед вами отчитываться. Но, так как мы на две недели становимся одной се-

мьей, сообщаю вам, что по решению школьного партбюро во избежание каких-либо провокаций четвертый билет выкуплен за счет средств профсоюза.

Я недоуменно хмыкнул, а Петрович в знак согласия закивал головой: мол, правильное решение товарищи. Я с сожалением поглядел на него: неужели это тот Петрович, мой товарищ по партии, которого крепко и братски держал за плечи, чтобы он не воткнулся головой в унитаз, когда его скручивало от рвоты. Только сейчас оценил мудрость и глубину высказывания, что всякие там заграницы могут растлить душу советского человека. Мы еще не проехали и Переделкина, а заграница уже Петровича растлила, скурвился мой товарищ.

– Значит, так товарищи, я пойду изучу расписание. Посмотрю, где и как долго будем стоять. Вернусь, будем завтракать, – Белла Павловна поднялась и вышла из купе.

– Вот, стерва, какая, – прошептал Петрович, когда она вышла. – «Во избежание провокаций», – передразнил он ее.

– А сам-то, что головой все кивал, – упрекнул я его.

– Юрк, а что мне оставалась делать? Ты же знаешь, что моя за Можай меня загонит, если, что не так будет.

– Ладно, проехали. Выпить охота. Давай, по – скорому махнем, пока наша мымра расписание изучает.

– Ты, что сдурел? А если застучает? Не – е, ты, как хочешь, а я не буду.

– Сколько ты, Петрович бутылок водки с собой везешь? –

неожиданно для самого себя спросил я.

– Четыре. А что?

– Как что? Положено только две. Это ж контрабанда самая натуральная. За такие дела могут преждевременную встречу с родиной устроить. Всю жизнь не отмоешься, – начал пугать я Петровича.

– Точно, Юрк. Как я не подумал. Это, все Лидка. Вы, говорит, официальная делегация. Вас досматривать не будут, в Болгарии поменяешь на что-нибудь, – передразнил уже жену Петрович. – Что ж делать?

– Выбор у тебя очень простой: или Бэллку послать куда подальше, или возвращение на родину.

– Действительно, что мы не можем себе позволить расслабиться? Взрослые люди, в конце концов. Меру знаем. Не фига изображать из себя руководителя. Знаем мы таких. – Петровичу явно не хотелось преждевременной встречи с родиной.

– Это точно. Меру мы знаем, – поддакнул я. – Доставай, пузырь.

– Что мою, будем пить?

– Не твою, а контрабандную. Доставай, а я пока закусон организую.

Когда мы уже закусывали копченой курицей, в купе вошла Бэлла Павловна.

– Кто вам позволил пить в поезде? Это же моральное разложение, – закудаhtала она, как та курица, которой мы заку-

сывали.

– Извиняемся Бэлла Павловна, что вас забыли спросить. Вы так долго отсутствовали, а мы ждать не могли. Надо было срочно контрабанду уничтожать, – меня слегка уже «повело», и хотелось поиздеваться.

– Садись, Бэллк, кончай выдрючиваться. Выпей пятьдесят грамм с нами за хорошую дорогу, – Петрович пришел в чувство и стал похожим, наконец, на самого себя. – Юрку правду говорит. Контрабанду уничтожаем. Садись, – повторил он приглашение.

– Да вы за такие штучки из партии вылетите, – продолжала она кипятиться. – Да, когда я расскажу...

– Не расскажете, – ответил я.

– Почему? – удивилась она.

– А потому, что, когда вас спросят, а, где вы были в тот момент, когда они водку пьянствовали? Как допустили такую политическую близорукость? Для чего вас поставили руководителем делегации? – я вошел в раж, и, наверное, стал похож на начальника, который распекает своих подчиненных.

– Скажу, что меня в купе не было, – она растерялась от моего наглого напора и такой схожести с начальником.

– Это не ответ коммуниста, Бэлла Павловна. Даже одного коммуниста должно быть всегда много. Он должен быть везде, как фруктовое желе, – последние слова произвольно получились в рифму.

– Садись, Бэлк, успокойся и выпей. Тебе же объяснили,

уничтожаем контрабандную водку. Не уничтожим, ты, как соучастница пойдешь, – Петрович, наконец, полностью восстановился и вновь стал убедительно красноречив.

– Бэлла Павловна, вконец напуганная и сбитая с толку, уселась с Петровичем. Он налил ей полстакана. Она, словно на «автомате» поднесла его ко рту и залпом выпила.

– Вот и молодец, Сейчас сразу полегчает. Вот курочкой закуси, – суетился вокруг нее Петрович.

– С вами полегчает, – она уже окончательно сдалась.

– Полегчает, Бэлла Павловна. Как до мозгов дойдет, сразу полегчает, – успокоил я ее.

В общем, поездка до Софии удалась. Я вновь крепко и по – братски держал за плечи Петровича, который в такт поезду мотал головой над унитазом. Бэлла Павловна выставила три контрабандных бутылки, которые так же, как и Петрович надеялась на что-либо обменять. Я же, как человек, уже однократно бывавший за границей еще раз своим товарищам объяснил, к каким печальным последствиям может привести контрабанда. Тем более, что у них и без нас русской водки залейся. Бэлла Павловна плохо меня слушала, и, доставая бутылки, крикливо повизгивала: «Гулять, так гулять». И все пыталась меня ущипнуть за руку. Я терпеливо сносил ее заигрывания, но на провокацию не поддался. Для провокации с ее рожей водки было все же маловато. Переехав границу, пить перестали, чтобы привести в порядок изрядно потрепанные за дорогу лица развитого социализма.

На вокзале нас встретили болгарские коллеги, и я расстался со своими советскими коллегами, так как определили жить нас по учительским семьям. Все семьи были наполовину русские. Выполняя интернациональный долг, наши советские женщины – учительницы повыходили замуж за болгар, на деле доказывая, что дело Ленина живет и побеждает. Семья, в которую попал я, была полностью русской: Людмила, так звали мою хозяйку, уже успела овдоветь, детей не было, поэтому первую рюмку пили, не чокаясь, за светлую память мужа. От дороги и волнения сомлел на третьей рюмке, и неприлично задремал прямо за столом. Проснулся же в чистой постели в бодром и приподнятом настроении.

Мы сытно позавтракали и через час были уже в школе. Петрович и Бэлла Павловна стояли в холле, терпеливо ожидая меня. Петрович, увидев меня, приветственно замахал руками, а Бэлла Павловна в белой шелковой блузке с черным бюстгальтером под ней, только укоризненно заметила:

– Даже за границей Юрий Иванович, вы умудряетесь опаздывать.

Я смолчал, так как не чувствовал за собой никакой вины.

– Товарищи, мы в сборе. Можете начинать, – обратилась к кому-то из болгар Бэлла Павловна.

Нас повели по школе, показывая кабинеты. В здании была тишина, но это и понятно: каникулы. За час мы осмотрели школу, и нас повели в кабинет директора. Директор – милая болгарская женщина, лет пятидесяти, приветливо встретила

нас. Поинтересовалась, как мы себя чувствуем, есть ли какие пожелания. Выслушав наше дружное «все хорошо», неожиданно сказала:

– Дорогие советские друзья. Учительский труд в любой стране всегда тяжелый труд, поэтому мы решили, что вам необходимо побыть на море. Отдохнете и лучше познакомитесь с нашей страной, достижениями социализма.

Она достала из стола три конверта, и, передала нам, пожимая каждому руку.

– В конверте путевка и немного денег на расходы. С вами в качестве сопровождающего поедет Людмила, – показала она в сторону моей вдовы.

– А как же обмен опытом? – растерянно спросила Бэлла Павловна.

– На море Людмиле расскажете о своей школе, а она вам расскажет о нашей. Разве плохой обмен опытом мы вам устроили, – директор, как мне показалось, сказала это не без иронии.

– Вы придумали просто здорово, – перехватил я инициативу. – Наша делегация выражает вам искреннюю благодарность за оказанный прием. – Я уже успел заглянуть в конверт и быстро посчитать деньги, 100 левов, очень приличная сумма. – Когда нам выезжать к месту обмена опытом?

– Сегодня после обеда, – директор с любопытством посмотрела на меня. – Билеты на поезд у Людмилы.

Только, когда уже поезд тронулся, а Людмила вышла из

купе, Бэлла Павловна попыталась, правда, без особого энтузиазма, еще раз проявить политическую бдительность.

– Что же получается? Мы ехали работать, опытом обмениваться, а нас отправляют на море. Что мне теперь делать с докладом?

– Бэлк, ты дура или прикидываешься? – Петрович уже ничего не боялся, потому что на море ему обещали знатную рыбалку. – Нам на дармовщину предлагают нормально отдохнуть, а ты про какой-то сраный доклад.

– Виктор Петрович, я попрошу...

– Бэлк, помолчи лучше. Мне твои причитания «про обмен опытом», во уже, где сидят, – Петрович показал на шею. – Мы на море едем, а ты все свою фигню несешь. «Обмен опытом, обмен опытом». Расслабься.

Бэлла Павловна обиженно замолчала, но, увидев из окна вагона море, забыла про обиду и радостно заохала. Она первый раз видела море.

На третий день отдыха на море мне нестерпимо захотелось домой, к жене, к дочке, к мужикам в подвал. Однообразная и размеренная жизнь все-таки не для меня. Завтрак – море, обед – сон, море – ужин, прогулка по городу – сон. Пытался ходить с Петровичем на рыбалку. Удочки у меня не было, а смотреть на замершего Петровича удовольствие ниже среднего. Единственное, что радовало, так Бэлла Павловна, которая очень подружилась с Людмилой, и напрочь забыла о своих руководящих обязанностях. Они не расста-

вались весь день и мило кудاختали о чем-то своем. Все равно для меня это было слабым утешением в монотонности нашей курортной жизни.

Чтобы как-то разнообразить свой отдых на четвертый день в гостиничном буфете я купил несколько бутылок пива, чтобы выпить в компании с Петровичем перед сном. Поднявшись в номер, увидел, что тот уже крепко спит. Я не особо расстроился. Взял пиво и вышел на балкон. Открыл бутылку о железные перила, закурил. Попивая пиво, слушал море и думал о чем-то грустном. На соседний балкон вышла покурить женщина. Незаметно, исподволь стал ее внимательно рассматривать. Итоги осмотра меня вполне удовлетворили: высокая, с хорошей фигурой, а красное, облегающее длинное платье без рукавов только подтверждало мою наблюдательность, каштановые волосы ложились на плечи, в темноте лица толком не рассмотрел, но увиденного, было пока достаточно. Чем-то напомнила Маняшу. Только у моей Маняшм попка будет поаппетитнее.

– Хотите? – предложил я ей пиво.

Она повернулась ко мне лицом, очень милым, улыбнулась и взяла пиво. Отпив глоток, она махнула мне рукой, приглашая на свой балкон. Я с готовностью и легко перемахнул через перила, разделявшие балконы, и оказался на ее территории.

– Юра, – тут же представился я.

– Златке, – поняла она, что речь идет о знакомстве.

Златке совсем не знала русского. Это меня не удивило, я знал, как наладить контакт. Хотя мы и разные, но все же славяне, поэтому после минутной неловкости между нами завязалась довольно оживленная беседа. Минут через пятнадцать я знал о ней все или почти все. Работает продавщицей в овощном магазине. Я смог даже уяснить, что муж – человек ревнивый, поэтому для пущей надежности отправил отдыхать жену не только с пятилетним сыном, но и с трехлетней племянницей. Я сразу представил себе ее мужа, жгучего брюнета с суровым взглядом, и вместо того, чтобы невзлюбить, пожалел его за наивность и глупость. Если жена хочет наставить рога, ничто не остановит ее, даже, если ее будет оберегать всевозможная родня. Еще я выяснил, что она любит пиво, и поэтому она была очень рада, что предложил ей выпить. В этот вечер мы расстались где-то через час, договорившись, встретиться завтра здесь же на балконе.

Встретились с ней гораздо раньше на пляже. Мы, как обычно всей делегацией, приплелись на пляж. Златке сидела под зонтом, вокруг нее копошились ограничители супружеской неверности, сын и племянница. Мы друг другу приветливо помахали рукой.

– Кто такая? – тут же отреагировал Петрович.

– Знакомая.

– Когда успел?

– Успел.

– Наконец, Юра ты стал знакомиться с приличными жен-

щинами, – не преминула заметить Бэлла Павловна. У нее, как и у мужа Златки, мозги работали в одном направлении: женщина с двумя детьми не может быть неприличной.

Златке на мой советский вкус при свете дня выглядела еще очаровательнее. Я попытался представить ее за прилавком – получалась Татьяна из винного в вечно замусоленном халате.

– Пойдемте, я вас познакомлю. Людмил, а вы перевести поможете, – я решительно направился к болгарке.

С помощью Людмилы решил получить максимум доступной для всех информации о Златке. Познакомив всех со Златкой, мы расположились рядом, расстелив безразмерные, махровые полотенца. Завязалась оживленная беседа. Златке безмерно была рада новому знакомству, так это однозначно разнообразило ее курортную жизнь. Я в разговоре не участвовал, ощущал себя хранителем тайны, которая известна только ей и мне. Тайны, которой еще не было, но обязательно появится. Прислушиваясь в пол уха к беседе, констатировал, что ничего нового не узнал, все это я понял еще вчера. В купании и пляжном трепе прошло время до обеда. По дороге в гостиницу Златке предложила после ужина сходить в ресторан. Я тут же согласился, а Петрович с Бэллой начали мяться, ссылаясь на то, что после ужина у них другие планы. Планов у них не было никаких, жалко было валюту.

– Что-то я не в курсе наших планов после ужина. Наверное, Бэлла Павловна будет читать нам лекцию «Экономика

должна быть экономной», — с ехидством поинтересовался я. — Златке, приходи обязательно. Будет ну, очень интересно. Послушаешь лекцию о нашем жлобстве. Знаешь, сколько у нас «кильки в томате» с собой? Не знаешь? Так я скажу. Сорок пять банок. Бедная килька экономит нам валюту. — я разозлился на своих коллег по — настоящему. Жмоты, несчастные. Златке смотрела в растерянности, не понимая, о чем речь.

— Юрк, перестань, — начал толкать меня в бок Петрович. — Ты же знаешь, что Лидка мне каждый лев уже сосчитала.

— Юра, хватит паясничать, — попыталась возмутиться Бэлла Павловна. — Дело не в деньгах.

— Так в чем же?

— Посещение ресторанов не входит в нашу программу.

— В вашу не входит, а в мою входит. Я все равно пойду.

— Индивидуально, пожалуйста, — легко согласилась Бэлла.

Людмила о чем-то быстро заговорила со Златкой. Теперь уже мы ничего не понимали.

— Товарищи, Златке вас приглашает в ресторан. Она все оплатит, — повернулась к нам Людмила. Мне даже показалось, что она на меня глянула очень уважительно.

— Но, если Златка настаивает, то мы не будем возражать, — заявила Бэлла Павловна.

Ресторан был замечательный. Он располагался под открытым небом на поляне, возле речушки, которая впадала в море. Пили и ели мало, мне почему-то не хотелось, а Петрови-

чу и Бэлле была слегка неудобно наедаться на халяву. Когда официант принес счет, и Златке полезла в сумочку за деньгами, я вытащил из кармана пятьдесят левов, и передал официанту.

— Я сегодня угощаю.

Златке пыталась вернуть мне деньги. Петрович с Бэллой смотрели на меня, как на ненормального, но я был неприступен, как скала. Я настолько был упоен своим подвигом, «знай наших», что даже не хотел думать о том, что лишил свою семью двух кофточек или одного халата.

В гостинице дождался, когда Петрович заснет, и вышел на балкон. Златке уже была там. Молча перемахнул через перильца и встал рядом. Златке взяла меня за руку и подвела к балконной двери. За дверью стоял ящик пива. Мы пили пиво и целовались. Никогда больше в жизни я не пил столько пива. Потом, приложив палец к губам, она осторожно потянула меня в номер. Стараясь не разбудить детей, стянули с кровати матрас и постелили его балкон. На свой балкон вернулся только тогда, когда уже начало светать.

Теперь каждый день после ужина, взяв с собой детей, мы, как добропорядочная супружеская пара, гуляли по городу, изредка останавливаясь, чтобы выпить по пятьдесят грамм ракии. Расплачивалась всегда Златке, но я и не настаивал, мне было достаточно одного моего подвига в ресторане. Поздно вечером выходил на балкон, утром возвращался. Все догадывались о наших отношениях, но делали вид, что

ничего не произошло. Две недели пролетели стремительно. Пришла пора уезжать. Уезжать не хотел, мне показалось, что я сильно влюблен. Не раз рисовал в мечтах, как развожусь с Маняшей, и женюсь на Златке. Было просто и понятно, только в одном вопросе не мог определиться, в какой стране мы будем жить. После долгих сомнений решил, что работать будем у нас, а отдыхать в Болгарии.

Утром последней ночи, взяв детей, мы в последний раз прошлись по городу, останавливаясь только затем, чтобы выпить по пятьдесят грамм ракии. В гостинице Златке пригласила меня к себе в номер. Впервые я зашел к ней в номер через дверь. На нашем матрасе лежал новехонький кейс.

– Это тебе, – сказала она. Потом открыла кейс, в нем лежали платье для дочери и махровый халат.

– Это твоей дочери и жене.

– Спасибо.

Не стесняясь детей, мы поцеловались, Златке даже слегка всплакнула

– Я буду помнить тебя, – прошептала она.

– Я тоже. Мне пора.

Я взял кейс и вышел из номера по привычке через балконную дверь. Больше в Болгарии мне побывать не довелось.

Глава шестая

Проснуться знаменитым

Я просыпался больным и здоровым, трезвым и с похмеля, с женой и с чужой женой. Но никогда не просыпался знаменитым. Казалось вот, еще чуть – чуть и слава запрыгнет в мою кровать. Но то ли кровать была узковата, то ли я лицом не вышел. Похмелье оставалось, а слава где-то задерживалась в пути.

А сегодня даже не хотелось просыпаться, поскольку знал наверняка, что, как только открою глаза, отчаяние, словно мокрая простыня, облепит меня. Еще вчера надеялся вернуть жену, бросить пить и стать, наконец, знаменитым. Но за один день весь мир надежд разрушился, и вот я лежу, боясь открыть глаза. Сухость во рту и тошнотворные рефлексy только добавляли отчаяния.

В последнее время у меня все чаще случаются провалы в памяти. Вот и сейчас я силюсь вспомнить, откуда и как вчера или сегодня добрался домой. Единственная зарубка в памяти – это костюмчик. Если серый, в искорку, значит, прибыл из школы. Если он на мне, где-то рядом должна быть недопитая бутылка. Не открывая глаз, провел рукой по полу и нащупал бутылку портвейна. Все-таки я могу гордиться

своим ассоциативным мышлением! Перевернулся на спину, и все также с закрытыми глазами, поднес бутылку ко рту. В такие моменты я сам себе напоминал младенца, который нашел грудь матери и радостно зачмокал.

Открыл глаза. А не все уж так плохо. Вот брошу пить, и Маняша ко мне вернется. Обнимет и скажет: «Как же я по тебе соскучилась».

Вернется, но только не сегодня и даже не завтра. Они с дочкой от меня далеко, где-то за тридевять земель. По – моему, эта «тридевять земель» в Смоленске. Маняша уехала к родителям. Как же я тогда сообщу ей, что брошу пить? Письмо что ли написать? Но это же времени, сколько пройдет. Пока туда – сюда, могу и снова выпить.

И пью исключительно для снятия стресса. С работы уволен? Так ведь не за пьянство, а по политическим мотивам. За свободу слова пострадал, хотел ускорить перестройку. Хотя, если разобраться основательно, во всем портвейн виноват. Пил его любимый в очень журналистской компании. Журналисты тоже оказывается его любят. Раз ты, учитель, говорили журналисты, напиши статью, как и что нужно ускорить и перестроить в школе. Я был тогда изрядно пьян, но мысль проснуться знаменитым оставалась на удивление трезвой. Статью написал, и что удивительно, была опубликована в очень важной газете. В течение недели я свою статью перечитывал, любуясь фамилией автора. Даже в разных ракурсах написанное рассматривал. Фамилия хорошо видна. Каждый

вечер засыпал с мыслью, что вот уже завтра или послезавтра проснусь знаменитым.

Я присел на кровати и закурил. Потянулся к телефону, чтобы сообщить, что сегодня меня в школе не будет, так как неважно себя чувствую. Я уже привычно набрал номер телефона, услышал до боли знакомое: «Школа слушает». Слова «школа слушает» отрезвили меня, положил трубку. Зачем я звоню? Я же теперь вольно – уволенная птица. И никуда мне надо идти, и никто меня не ждет.

Мои печальные размышления прервал телефонный звонок.

– Привет, как самочувствие? Как добрался вчера? – звонил Михал Абрамыч, секретарь школьной парторганизации. «Значит с ним вчера пил. Очевидно, я давал отходную». – отметил про себя, а вслух сказал:

– Какое может быть самочувствие. Вот размышляю, что делать дальше.

– Дела у тебя неважные. Это точно. С такой записью в трудовой книжке даже дворником проблематично устроиться. А ты сам-то, что думаешь?

– Пока, ничего, – честно признался я.

– Ладно, не горюй. Есть у меня кое – какие мыслишки. После обеда позвоню.

– Хорошо буду ждать твоего звонка.

Я прекрасно понимал, что все сказано было из вежливости.

Попался по своей извечной легкомысленности. После уроков завуч застучала меня с Воронцовой. В принципе ничего особенного – целовались, и все такое. Могла и бы мимо пройти. Так нет, эта сука, Лидия Сергеевна такой скандал раздула. Не понравилось, что я ее в статье некомпетентным руководителем назвал. «Безнравственное поведение», «Рагозин – растлитель малолетних». Последнее мне очень показалось очень обидным. Какой же растлитель? Воронцова сама осталась в кабинете. Я же ее не насильно. Все было по обоюдному согласию. Отец ее приходил. Страшный разговор был. Думал, что убьет меня. Но я поклялся, что до «этого» не дошло. Стыдобища все равно какая. Слава богу, что Маняша раньше от меня ушла. А то еще и от нее пришлось бы всякого услышать. Хотя здесь хорошо, а так сплошная беспросветность. Теперь придется надеяться только на себя и на пенсию родителей. Я вновь впал в уныние, которое усугублялось желанием выпить. Выпить больше не было.

Михал Абрамыч сдержал свое обещание и позвонил.

– Слушай сюда. Езжай сейчас по этому адресу. Это комбинат древесноволокнистых плит. Там у меня секретарь парткома знакомый. Работа не бог весть какая. Но хоть деньги платят.

– Спасибо. Диктуй адрес, – безо всякого энтузиазма я записал адрес. – Сейчас поеду.

– Езжай обязательно. А мы будем бороться за твое восстановление. Если нужно до Горбачева дойдем. Покажем Лидке

кузькину мать.

Я не поверил, но было приятно от мысли, что Горбачеву придется решать мои проблемы, а завучу покажут кузькину мать. Ведь, как не верти, а за перестройку пострадал. Попытались облить грязью борца за ускорение и плюрализм.

Сидит Горбачев в своем ЦК, знакомится с моим личным делом. Прочитал и в задумчивости в кресле откинулся. А потом и говорит своим помощникам: «Такие люди нам в ЦК нужны. Срочно найдите Юрия Ивановича Рагозина». Приезжают его помощники ко мне домой, а я им дверь не открываю, потому, как вспомнил, что Горбачев против портвейна. И крикнул им из-за двери: «Я к вам в ЦК работать не пойду. Не дождетесь». И дверь им не открыл. Они все не уходили и обманом хотели проникнуть в квартиру, притворившись соседями: «Юр, ты чё, рехнулся? Какая ЦК? Это мы Витя с Володей. Выпить у нас есть. Открой». Я посмотрел в дверной глазок. Действительно Витя с Володей. И в руках по бутылке портвейна. Во, как я им в ЦК нужен. Денег на портвейн не пожалели. Но дверь все-таки не открыл. Вдруг провокация?

Я очнулся и посмотрел на часы. Неужели опять заснул? Быстро поменял галстук и засобирался на комбинат. Секретарь внимательно посмотрел на меня и сказал: «Пойдете работать в цех дверных и оконных блоков». Потом еще раз окинул взглядом и добавил: — — Только никому не говорите, кем работали раньше.

— Что не похож?

Похож не похож, какая разница. Но лучше не говорить.

На следующий день, слегка посвежевший, я явился на новую работу. Был представлен начальнику участка. Сообщил ему, что от секретаря. Он мне в ответ, как отрезал: «Знаю. Будешь работать в бригаде у Василия».

Василий, молодой парень небольшого роста, в кепочке и с осмысленными глазами спросил меня:

– Ты откуда к нам такой явился?

– Из партии я.

– Из геологической что ли?

– Да, нет, из коммунистической. Брошен на укрепление деревообрабатывающего фронта.

– Стукачок, что ли? – Василий произнес с нескрываемой неприязнью.

Я понял, что здесь таких шуток не понимают, и попытался сгладить впечатление:

– Извини, просто неудачная шутка. Так получилось. Я сейчас просто без работы.

Василий смягчился, но недоверие осталось.

– Что умеешь делать?

– Руками ничего, – честно признался я.

– А зачем пришел сюда?

– Больше никуда не берут.

Василий почесал затылок и протянул: «Ладно, что – ни-будь придумаем».

И мне придумали работу: поручили убирать обрезки де-

рева и прочий мусор, что вполне меня устраивало. Работа не обременяла, голова оставалась ясной. На третий день я уже занимался квалифицированной работой – штабелевал оконные и дверные блоки. Еще через два дня бригадир подозвал меня к себе и сказал:

– Такой работник мне на х... здесь не нужен. После тебя все переделывать придется. Мы бригадой решили, что будешь ходить за водкой. Согласен?

Я молча кивнул. Хотя понимал, что работу мне поручают ответственную и даже где-то опасную. Антиалкогольная компания была в самом разгаре. И покупка водки требовала не только терпения, но и гражданского мужества.

– Здесь деньги на пять бутылок водки, – продолжил бригадир, – переоденься, выйдешь из цеха налево, там перескочишь через забор, и тропка тебя выведет прямо к магазину. Если водки не будет, возьмишь семь бутылок «Салюта», и в хозяйственном – три дихлофоса, – закончил инструктаж Василий.

Следуя инструкциям бригадира, я уже через пятнадцать минут стоял в очереди. И хотя до открытия винного отдела оставалось где-то около часа, уже было не менее ста человек. Я тяжело вздохнул, хорошо понимая, что шансов купить водки у меня практически нет. Но и без выпивки я вернуться не мог, так как уже окончательно продемонстрирую свою никчемность бригаде. А мне почему-то очень хотелось завоевать расположение этих людей.

Встав в очередь, я активно включился в обсуждение, сколько водки завезут сегодня, и хватит ли на всех. Как всегда нашелся знаток из местных алкашей, который имел информацию о точном количестве водки.

– Водки будет всего пятнадцать ящиков.

Алкаш окинул очередь мутным взглядом.

– На всех точно не хватит.

– А это проверенная информация? – спросил кто-то интеллигентно из очереди.

– Точно, говорю товарищи. Информация вернейшая. Мне Наташка сообщила. А она – соседка Нины Паловны. А ей Нина Паловна сказала, когда на работу шла. – В качестве доказательства он вытолкнул Наташку из очереди. – Подтверди.

Наташка и рада была бы подтвердить, но ее кирпичного цвета лицо выражало такое неизбывное страдание, что такой же бедолага сочувственно крикнул:

– Да, оставьте бабу в покое. Вон, как ее ломает.

– А кто такая Нина Паловна? – спросил еще кто-то.

Очередь прошелестела возмущением и негодованием. Спрашивал, очевидно, «чужак».

– Ты, что чудила, с Луны свалился? Вот, ща она тебе водки не отпустит, сразу узнаешь, кто такая.

Нина Паловна, продавщица из винного, была вершителем судеб, всех стоящих в очереди. Захочет – помилует, захочет, – пошлет куда подальше. Продавщица относилась к сонму небожителей. Знакомство с ней автоматически исключает

ло тебя из разряда людей обыкновенных. Я даже на мгновение представил, как я иду мимо всей очереди и на входе в магазин по – барски заявляю: «Я к Нине Паловне».

– Водка сегодня закончится на пятьдесят третьем. – Какой-то «математик» сеял в очереди панику. Ему, конечно, не поверили, но середина очереди на всякий случай посчитала. Никому не хотелось оказаться пятьдесят четвертым.

Оставшееся время до открытия мы дружно ругали Горбачева и делились секретами изготовления горячительных напитков. Какие только рецепты не предлагались! Остап Бендер со своим рецептом самогона из табуретки просто отдыхает. Оказывается, нет прекраснее напитка, чем туалетная вода, которая дешевле водки и запах изо рта приятный. Не зазорно и даму угостить. Один мужчина благообразного вида заметил, что хороший одеколон от ихнего виски ничем не отличается. Одеколон даже дешевле получается.

В разговорах о Горбачеве и о водке время прошло незаметно. Минут за десять до открытия в очереди почувствовалось внутреннее напряжение. Она выгнулась, как охотничья собака, готовая в любую минуту броситься за добычей. В самом начале очереди уже началась легкая потасовка в борьбе за место под солнцем. За несколько минут до открытия к магазину прибыл наряд милиции. В конце очереди пронесся вздох облегчения. – «Порядок сегодня будет». Наконец двери магазина открылись. Милиционеры с помощью нескольких ударов дубинками организовали вход в магазин. Теперь

очередь разделилась на две неравные части: на тех, кто там уже получает в руки вожденную бутылку и тех, кто только может наблюдать, как первые счастливики выходят из магазина.

Я никогда и нигде больше не видел таких счастливых лиц людей, как тех, выходящих из магазина с бутылкой в руках. Я никогда и нигде больше не слышал, как безутешно могут плакать мужчины над разбитой бутылкой. Скорбящие над бутылкой, были похожи на большевиков у гроба своего очередного вождя.

Периодически очередь охватывала паника, когда кто-нибудь из счастливиков, значительно произносил: «Очень мало водки осталось». Наконец, за час до закрытия из магазина вышел грузчик, встал так, чтобы его видела вся очередь, сделал паузу, соответствующую значимости момента и торжественно, как диктор телевидения на похоронах объявил: «П... ц, товарищи. Водка закончилась. Остался только «Салют». Очередь на секунду замерла в оцепенении, потрясенная новостью. Кто-то начал истерично рыдать, кто-то перешел в диссиденты, называя власть «блядской». Я же почти без проблем купил «Салют», в хозяйственном – дихлофос, и с чувством выполненного долга возвратился на работу. В раздевалке я расставил стаканы и собрал нехитрую закуску, поджидая товарищей по бригаде. Наконец, прозвучала сирена, возвещающая о конце смены. И началась пьянка на скорую руку, так как всем надо было успеть на последнюю элек-

тричку. Разлив по стаканам «Салют», добавили дихлофоса. Получился коктейль, от которого после первого же стакана можно было или словить кайф, или протянуть ноги. У нас исход всегда был благополучный, живые помогали павшим добираться до электрички.

Вскоре я стал «своим» в бригаде. Почти также уважаемый, как продавщица из винного. Используя свои старые учительские связи в милиции, я не только покупал водку, но и умудрялся возвращаться из магазина к обеденному перерыву. Мы были, чуть ли не единственной бригадой на комбинате, у которых водка была к обеду. А водка к обеду – это великое дело. Появлялся шанс к концу рабочего дня уехать домой более – менее трезвым. Но такое случалось очень редко, так как водка заканчивалась, а ехать трезвым домой не хотелось. И мне повторно приходилось бегать в магазин. Слава о моих способностях прокатилась по всему цеху. Я стал похож на кинозвезду, не знающая отбоя от поклонников. Ко мне приходили представители других бригад со слезной просьбой купить что-нибудь. Бригадир явно мной и гордился, такого умельца, как я больше не было в цеху. Я, наконец, стал знаменитым. Слава нашла меня там, где ее совсем не ждал. Артисты за свои заслуги получают звания и награды, писатели – огромные тиражи. Мне же за мои заслуги было дозволено наравне с другими воровать стройматериалы.

Предметом воровства я выбрал «вагонку». Во – первых, удобно тащить, во – вторых, я придумал, как ее использовать.

Обоью стены квартиры.

Для таких воришек, как я, была специально проделана дырка в заборе. Когда первый раз по наивности и нетрезвости хотел пронести «вагонку» через проходную, сторож мне вежливо, но твердо заявил:

– С грузом через другую проходную. – И любезно показал дырку в заборе.

На комбинате я проработал около полугода. И каждый день таскал «вагонку» домой. Для более удобной транспортировки приспособил чехол из-под лыж. Удобно и компактно. Я так вошел во вкус мелкого воровства, что, приходя на работу, внимательнейшим образом осматривал все закоулки цеха, где могла валяться бесхозная «вагонка». Вконец обнаглел, я уже просил попилить мне ее по размеру, и не из отходов, а из хорошего материала, чтобы без сучков была и сухая. Стены в квартире получились на загляденье. А за заслуги в деле ускорения перестройки мне была присвоена почетная заводская квалификация: " станочник четвертого разряда.

Глава седьмая Завтра в школу или четверть века спустя

– Маняш, извини, времени больше нет.

– Да, Юрочка, я понимаю все. Ухожу, не буду тебя беспокоить. Как-нибудь еще навещу тебя. Хорошо?

– Хорошо, хорошо.

Я уже начал раздражаться. До чего ж эти женщины словоохотливы.

– Не забудь охране пропуск сдать.

– Сдам, Юрочка, не беспокойся.

Наконец, Маняша ушла. Я посмотрел на часы: через десять минут к шефу с докладом идти. Надо спешить, а то еще Любка завалится. Люба – моя нынешняя жена. Мы уже два года женаты. После того, как с Маняшей расстались, двенадцать лет жил холостяком. Желающих меня женить было море. Но к такому шагу я не мог подходить безответственно. Должность обязывает. Как ни как, а в администрации президента работаю. Я уже не мог себе позволить юношеской легкомысленности. В нашей среде браки сродни королевским, много династического расчета и немного взаимной симпатии. К примеру, я уже не мог жениться на учительнице или на какой-нибудь актрисульке. Женщина должна принадле-

жать только к нашему кругу. Люба была, как раз, из наших.

С Любкой познакомился случайно. Мы с ребятами из отдела после того, как закончили работу над посланием президента, в Александровском саду портвешком расслаблялись. Традиция у нас такая сложилась. Закончил работу для президента, всем отделом из Кремля на природу, в Александровский сад. Зимой на лавочке, а летом на травке располагались. Кейсы сдвинем, стол готов, на него закусочку по скромной: обычно лимончик с маслинками. Ребята коньячок попивают, а я свой любимый портвейн «777». Эксклюзив, только для меня на одном из заводов портвейн такой делают, всего десять ящиков в месяц. Мне, как раз, хватает. Можно сказать, что штучный товар. Директор завода хотел мне угодить, и изменил вкусовые качества в одной партии. Я сразу понял, что не то, так как исчезло гадливое чувство с привкусом брезгливости при питье. Получил он от меня по полной программе, по стойке «смирно» в кабинете стоял. С тех пор он больше не пытался хитрить, и гадливое чувство с привкусом брезгливости уже не покидало меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.